Татьяна Алюшина

Красота по-русски

Татьяна Александровна Алюшина

Красота по-русски

Серия «Еще раз про любовь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11951391
Красота по-русски : роман / Татьяна Алюшина: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83484-6

Аннотация

Когда соседка решила познакомить ее с холостым сыном своей подруги, Леночка была возмущена – заводить романы она не собиралась. К тому же Денис ей совершенно не понравился. Чувство, похоже, оказалось взаимным, и молодая женщина забыла о неудачном знакомстве уже через час. Но вот конфуз: в мастере-краснодеревщике, встречи с которым она давно добивалась и чьи работы восхищали Лену на выставках, она узнала того самого несостоявшегося кавалера.

Книга также выходила под названием «Я подарю тебе любовь».

Татьяна Алюшина
Красота по-русски

© Алюшина Т., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

М-да, такой нелепости она ну вот никак предположить не могла!

При всем буйном и богатом воображении! Не то фарс, не то комедия положений, не то плохая мелодрама, поставленная забулдыжным режиссером с бездарными актерами. Картина художника-передвижника «Не ждали!» или ее современный аналог – передача «Слава богу, ты пришел!».

И стояла она теперь с цветочным горшком в руках на пороге комнаты и не знала, как реагировать – возмущаться или смеяться.

А ведь поди догадайся, когда ничего и намеком не предвещало в теплых тонах соседской родственной взаимопомощи!

Вчера, вечером пятницы, Зоя Львовна, соседка по месту прописки и их с Васькой личный ангел-спаситель по призванию, практически член семьи, попросила об одолжении.

– Леночка, – немного смущаясь, начала она после того, как Васька с Леной уговорили ее, зашедшую на минутку,

с ними почаевничать, – у меня к вам просьба.

И так сказала, словно повинилась в страшном грехе.

– Для вас, Зоя Львовна, хоть звезду с неба! – пообещала Лена не задумываясь.

А о чем тут думать! Она Зою Львовну на руках готова носить круглый год, так благодарна за помощь неоценимую.

– Звезду не надо, – улыбнулась скромно соседка. И поинтересовалась: – У вас на завтра какие планы?

– Еще до конца не утвержденные, – вставил весомо Васька, потягивая чаек из большущей кружки.

– Василий Федорович предлагает нанести визит бабушке с дедушкой, а затем посетить кинотеатр, – поделилась перспективами выходного дня Лена.

И, заметив легкое разочарование на лице Зои Львовны, поспешила успокоить:

– Но мы еще ничего не решили! Обсуждаем возможные варианты.

– Я хотела попросить вас, Леночка, завтра отвезти меня на вашей машине к друзьям, к Анечке с Васей. Я вам про них рассказывала, помните?

– Помню! – кивнула Ленка, торопливо припоминая что-то про данную семью друзей соседки.

Надо будет Ваську спросить, он про жизнь Зои Львовны, всех ее подруг-друзей, родственников до десятого колена подробно помнит, вплоть до удостоверяющих лица фотографий из альбомов.

Память такая. Уникальная. И слушать, и запоминать он тоже умеет исключительно.

Ленка считала Василия гением, никак иначе.

– Вы понимаете, – излагала подробности просьбы Зоя Львовна, – обычно я с большим удовольствием добираюсь на метро. У нас же с вами метро рядом с домом, а у них надо пройти немного через дивный парк. Но, видите ли, мне необходимо перевезти Анечке целебное домашнее растение. А оно большое и тяжелое. Боюсь, в метро сломаю.

– Никаких проблем! – заверила Лена, выказав готовность к подвигам. – Во сколько надо выезжать?

– В том-то и дело, что не с утра, а часа в три дня, – позволила себе легонький вздох покаяния Зоя Львовна.

– Да хоть ночи! Зоя Львовна, ну что вы в самом деле! – возмутилась Лена от этого ее просительного тона.

– Вы же наша семья! – поддержал Васька.

– Вы мне тоже родные, Василий Федорович, – собралась пустить слезу Зоя Львовна, погладив Ваську по голове.

– Ну, вот и договорились! – постановил он, останавливая сентиментальную мокроту. – Значит, утром сходим в кино, Лена, на десятичасовой сеанс, успеем вернуться и пообедать.

– Василий Федорович, – взмолилась Ленка, – давай хотя бы в одиннадцать, так тоже успеем, а я посплю подольше.

– Ладно, – подумав, согласился он. И предупредил строго: – Но я тебя добужусь!

– Кто бы сомневался! – вздохнула над нелегкой долей она.

Васька называл ее Леной, она его Василием Федоровичем и Васькой, так у них повелось. Стороннему человеку странно, а им удобно и нравилось. Зоя Львовна, например, первое время не могла к такому привыкнуть, все удивлялась, но быстро приняла ту же форму общения и сейчас сама чаще называла Василия по имени и отчеству.

Есть в нем такая основательная мужская солидность, вызывающая уважение неподдельное, мудрость не детская и…

Очень много чего есть в Василии Федоровиче, многое, что совсем не следовало иметь человеку с жизненным багажом в тринадцать мальчишеских лет!..

Таким вот образом, «от всей своей искренней души», в половине четвертого дня субботы, Елена Алексеевна Невельская оказалась у двери друзей Зои Львовны, держа перед собой растение под народным названием «ус». С точки зрения Лены, мало эстетичный уродец с нелепым длинным стволом, к тому же, по причине собственной хилости, подвязанный веревочками к воткнутой в горшок палке. В разные стороны хилого ствола торчали, как щупальца, отростки с венчающими их листиками.

Про многочисленные целебные свойства «уса» всю дорогу подробнейшим образом в восторженных тонах рассказывала любезная Зоя Львовна. Ленка кивала, подтверждая свое внимание к предмету научно-популярной лекции, и пропускала большую часть информации мимо, старательно скрывая сомнение, что этот ужас убогий может кого-то и отче-

го-то лечить.

– Зоенька! Здравствуй, родная! – звонко, радостно поприветствовала хозяйка, распахнув дверь.

Саму женщину Лена толком рассмотреть не смогла из-за лечебного куста в руках.

– Анечка, познакомься, это Леночка моя! – вторя заданному бравурному тону, представила Зоя Львовна и нежненько подтолкнула Ленку в квартиру. – Она любезно согласилась помочь перевезти «ус». Леночка, это Анна Михайловна, моя подруга.

– Спасибо вам огромное, Леночка!

У Лены возникло желание буркнуть остужающее «пожалуйста», уж слишком как-то через край радости у подружек, прям «ура партии!» или Первомай какой, ей-богу!

Или у них так принято?

– Куда растеньице отнести? – не удержалась она от легкого сарказма.

– Давайте я возьму! – ринулась на помощь хозяйка.

– Не надо, – отказалась Лена, – оно тяжелое, я уж донесу.

– Ой, спасибо, Леночка! – оглушила тем же задором хозяйка.

«Да что за митинг радости? – подумалось с нарастающим недоумением Ленке. – Подумаешь, великое событие – подруга приехала, «цветочек» привезла? Ну, помогла ей соседка, не Гагарина же в космос запустили!»

Может, действительно, принято у них так? Радуются люди

жизни. Собственно, правильно делают!

– Сюда, Леночка, в комнату, пожалуйста, – указала направление дальнейшего движения хозяйка.

И быстренько так, оббежав Ленку, распахнула перед ней дверь. Надо признать, руки у Лены уже устали от горшка этого тяжелого, и она, торопясь отделаться от ноши, поспешила зайти. Анна Михайловна сделала очередной маневр, подивив мимолетно Лену шустростью своей, и оказалась впереди, чуть сбоку.

– Знакомьтесь, Леночка! – тем же, уже начавшим всерьез раздражать Лену тоном, насыщенным преувеличенно восторженными тонами, призвала Анна Михайловна. – Мой муж Василий Степанович и сын Денис!

Анна Михайловна указала рукой на сидевших за накрытым к обеду столом мужчин. Лена наклонила горшок, удалив препятствие взору, уложила «целителя» на плечо и рассмотрела представленных персонажей.

– Здрасте, – оторопев от неожиданности, поздоровалась она.

Старший, Василий Степанович, кряжистый такой, плотный, с седой богатой шевелюрой и добрыми глазами, довольно улыбался – прямо Первое мая советских времен! Демонстрация трудящихся в отдельно взятой квартире!

«Что за бред?» – недоумевала Ленка.

Она же вроде не Алла Пугачева, не Максим Галкин и не богатая тетушка из Америки, чтоб ее появление вызы-

вало такие бурные восторги?

Лена перевела изучающий взгляд на второго мужчину – и тут праздник закончился!

Сын, оказавшийся при внимательном осмотре крупным широкоплечим мужиком с руками-лопатами, излучал всем своим видом глубокое недовольство происходящим, и в частности лично ее появлением здесь. Он глянул на Ленку недобрым, тяжелым взглядом и вернулся к прерванной трапезе.

И тут до нее дошло! Вот влет!

Куда она попала! Мать моя! Да это же плохо срежиссированное, сшитое белыми нитками этими двумя сговорившимися подружками откровенное сводничество!

Ну, может, не так грубо – сводничество, мягче – знакомство, что там еще? Сватовство? Черт бы все это побрал!

Какое сватовство?! Какое знакомство?! Что за бред!

Мизансцена «девушка с растением и другие» затянулась.

В столь нелепую ситуацию Елене Алексеевне попадать еще не приходилось! А подруги-заговорщицы, нисколько не смущаясь, продолжили разыгрывать бездарную постановку пьесы под названием: «Ну надо же, как удачно вы зашли!»

И Лене немедленно захотелось осчастливить эту компанию своим отсутствием.

– Васенька, забери скорее у Леночки растение! – распорядилась Анна Михайловна.

Василий Степанович поспешил на помощь девушке.

– Поставь пока на подоконник! – поступила вторая вводная. И приглашение вновь прибывшим: – Девочки, за стол!

– Благодарю, – резко отклонила предложение Лена, – я сыта.

– Что вы, что вы, Леночка, – принялась активно уговаривать Анна Михайловна, ухватив гостью двумя руками за ладонь, – у нас сегодня особый обед, в честь приезда сына!

Сын посмотрел на мать родную весьма саркастически, неодобрительно хмыкнул и вернулся к основному застольному занятию.

– Леночка, – красивым низким голосом поддержал жену Василий Степанович, – мы вас так просто не отпустим! Зоенька так много о вас рассказывала, вы ей как родная! Нам давно пора познакомиться!

– Леночка! – не преминула вступить в общий хор Зоя Львовна, сложив умоляющим жестом ручки в замок. – Это мои очень близкие друзья, я бы хотела, чтобы вы подружились!

«Да, ладно, бог с вами! – решила про себя раздраженно Лена. – Давайте познакомимся, что там еще? Поговорим за жизнь?»

На сына Дениса Елена старалась не смотреть и особым вниманием не одарила.

– Хорошо! – порадовала ожидаемой репликой Елена Алексеевна. – Только, если можно, я бы чаю выпила!

– Конечно, конечно! – отозвалась Анна Михайловна.

И под предлогом заваривания чая обе свахи спешно удалились в кухню, оставив жизнерадостного Василия Степановича в одиночку «вытягивать» постановку самодеятельного театра.

Ни Лена, ни любимый сын Денис помогать ему в столь хлопотном и безнадежном деле не собирались, но Василия Степановича, как выяснилось, это ничуть не смущало.

– Леночка, Зоенька обмолвилась как-то, что вы работаете журналисткой? – улыбаясь, вел застольную беседу хозяин.

– Работаю, – подтвердила Лена. И позволила себе повредничать: – Но это неинтересно.

– Отчего же! – еще более оживился Василий Степанович и, немного стушевавшись, уточнил: – Если, конечно, вы не из «желтой» прессы.

– Нет, не из «желтой», – улыбнулась Лена.

– В таком случае очень даже интересно! Это же творчество! – усиленно втягивал ее в дискуссию мужчина.

– Крайне редко, – «разрешила»-таки себя втянуть Лена.

Надо же о чем-то говорить, не молча же сидеть, как товарищ рядом!

– В основном это рутинная работа. Главное – уметь соединять слова, выстраивая фразы так, чтобы читалось с удовольствием и захватывало. Творчеством в журналистике занимаются единицы.

– А как же разоблачительные статьи, громкие журналистские расследования? – спросил хозяин с большим интере-

сом.

– Василий Степанович, сколько газет у нас выходит? – вздохнула Лена.

– Ну не знаю, сотни? – предположил он.

– Где-то так, если брать не только федеральные издания, но и региональные, городские. А сколько наименований из них вы знаете?

– Ну… десятки? – предположил он.

– Грубо говоря, десять, с натяжкой – двенадцать, – пояснила Лена, – это уже по интересам читателей. Вот так же обстоят дела с талантливыми журналистами. Исчисляются они тысячами, а действительно известных, сильных и талантливых – единицы. Остальные занимаются рутинной работой и заказными статьями.

– И вы тоже заказными статьями? – мягко поинтересовался Василий Степанович.

– А как же! – рассмеялась Лена. – Это наш хлеб. Право выбора темы – это для гениев, а мы простые ремесленники. Я же говорю, это неинтересная тема!

– Вы о чем тут беседуете? – энергично водворились в комнату подруги-«постановщицы», принеся чай, чашки и всякое сладенькое к чайку на двух подносах.

Слава богу, больше никаких разговоров на тему работы, обстоятельств личной жизни и «родословной» за столом не велось – обошлись общими вопросами.

И на том спасибо!

Анна Михайловна, правда, попыталась было двинуть хвалебную речь в рамках задуманного мероприятия знакомства:

– У нас с Василием Степановичем замечательный сын, Леночка! Нам повезло! Заботливый, умный… Очень много работает, к сожалению, но что поделаешь, у него свое дело…

– Мама! – с нажимом, предупреждающим тихим рыком остановил заботливый сын хвалебную речь матушки.

– Не буду, не буду! – пообещала Анна Михайловна.

И совсем не плавно переключилась на обсуждение политических реалий страны, в дискуссии о которых принял живое участие Василий Степанович, а Зоя Львовна все старалась перевести разговор в русло культуры и искусства.

Лена выпила две чашки чаю, от нервов-с, извините, заливая неудобство ситуации и собственное молчание. Прикинув, что вполне уже насиделась, можно и удаляться в свои свояси с чистой душой, миндальничать не стала, прямо сообщив о намерениях.

– Большое спасибо! – воспользовалась она паузой, возникшей в разговоре старших товарищей. – Очень рада знакомству, но мне пора. Зоя Львовна, вы со мной поедете?

– Нет, нет, Леночка, я еще останусь, меня ребята потом до метро проводят.

– Леночка, что вы так быстро засобирались? – расстроилась необычайно Анна Михайловна.

– Мне на самом деле пора, – мягко, но с нажимом утвер-

дила Елена Алексеевна.

– Как жаль! – совсем запечалилась хозяйка.

– Я тоже поеду уже, – впервые за весь вечер заговорил замечательный сын.

– Ну езжай, раз надо! – обрадовалась чему-то мать заботливого сына.

Лена заспешила, надеясь опередить мужчину, и, торопливо попрощавшись, первой вылетела из квартиры, но увы! Лифт не торопился приехать, а за спиной уже подходил под громкие напутствия родных этот самый Денис.

Неприятное ощущение! Прямо мурашки между лопаток пробежали!

Да и маета от неизбежной необходимости ехать вдвоем в лифте, выходить на улицу – тоже не из разряда приятных. Навязали тут на ее голову!

Она рассматривала Дениса, пока лифт опускал их на первый этаж, не открыто и с вызовом, как хотелось, что-то там демонстрируя независимо-женское, а вроде невзначай, но с любопытством и вроде как незаметно.

Большой мужик, высокий, на голову выше ее, крупный, волосы, как у отца, – шевелюра, но укрощенная хорошей стрижкой, с несколькими тонкими седыми прядками, большие ладони, как у работяги. Дорогая одежда простого стиля: джинсы, футболка, пиджак, куртка, мокасины – явно известных марок. Лена перевела взгляд на его лицо, незаметно, разумеется, – правильные симметричные черты, но ничего вы-

дающегося, яркого. Хорошее такое мужское лицо, никакой писаной или роковой красоты. Темно-зеленые глаза, мимические морщины, придающие суровости, в данный момент подчеркивающие выражение сильного недовольства.

Выйдя из подъезда, они остановились. Попрощаться-то все равно придется, никуда не денешься!

– Меня подловили на транспортировке растения. А вас на чем? – без особого интереса спросила Лена.

– Ни на чем, – не балуя собеседницу эмоциями, ответствовал второй участник балагана, – мой обычный субботний визит к родителям.

Голос у него красивый, отметила Лена, насыщенный, низкий. Сквозь бархатные тона слышалось легкое раздражение, но, скорее, близкое к безразличию.

– Очевидно, мама с тетей Зоей запланировали наше знакомство, – вдруг выдал он.

– Очевидно, – согласилась Лена. И прямолинейно призналась: – Вы мне не понравились!

– Вы мне тоже, – поделился он, соблаговолив посмотреть на Лену, – не понравились.

Вот теперь они некоторое время откровенно смотрели друг на друга, очевидно, стараясь разглядеть, что тут вообще могло понравиться!

– У вас жесткий взгляд, и вы все время хмыкали и улыбались саркастически, – пояснил свое «не понравились» неудавшийся объект знакомства, он же образцовый сын, на-

вещающий родителей по субботам.

– Знаете, Денис, – хмыкнула Ленка, лишний раз подтверждая вышесказанное им, – если вас уверяли, что ваш взгляд светится добротой и искрит открытостью душевной, не верьте! Врут. Льстят, скорее всего. Прощайте.

Она стала разворачиваться, чтобы уйти, но он взял ее за руку, останавливая. Ленка надменно-вопросительно подняла одну бровь, выразительно посмотрела на удерживающую ее руку и перевела взгляд на лицо мужчины в ожидании пояснений.

А он пояснил:

– Они сейчас наблюдают в окно сцену нашего прощания. Не надо их расстраивать, уж доиграем до конца.

– Ах, да! – согласилась догадливая барышня. – Вы же примерный сын!

– Я хороший сын, – утвердил весьма раздраженно Денис, – и это не повод для сарказма!

Он перехватил девушку за локоть и ощутимо дернул. Недоволен. И сильно.

– Идемте! Я провожу вас до машины, – распорядился образчик сыновней заботы.

До машины он Лену не проводил, а дотащил стремительно, остановился у водительской дверцы и только тогда отпустил ее локоть.

– Прощайте! – развернулся и ушел.

Ленка постояла, провожая его взглядом, она заметила,

что Денис едва заметно прихрамывает на правую ногу.

«Скорее всего, потянул в качалке, – отстраненно подумала она, – мы же богатые, значит, спортзал, девочки, курорты, набор атрибутов!»

Она пожала плечами – а ей-то какое дело?

– Да и бог с ним!

И быстренько забралась в свой автомобильчик. Холодно. «Марток, одевай сто порток!», как любит приговаривать по весне папа.

Машинку свою Лена любила. Старенький «фордик» исправно возил ее уже восемь лет, а до нее года четыре иных хозяев. Заслуженный пенсионер, приобретенный в складчину с родителями, холимый ею и регулярно проходящий профилактику в автомастерской у знакомых, последнее время стал «взбрыкивать», ломаясь в самый неподходящий момент. А скажите на милость, какой автомобиль ломается в подходящий момент?

Давно пора купить новую машину, да денег таких у Лены не находилось. Нет, она зарабатывала очень прилично, кредит можно было бы взять, но имелись совсем другие траты, куда как более важные. Вот и ездила на старичке, не забывая его хвалить, поглаживать, уговаривать. Васька дал ему имя: «мистер Гарри». Почему так, никто не знал, даже сам автор, но имя прижилось и теперь свое транспортное средство они называли только так.

Согревшись немного, Ленка похлопала рукой по торпеде.

– Ну что, мистер Гарри, домой? – предложила она маршрут и улыбнулась, медленно выруливая со двора.

А улыбалась, потому что представляла, что приедет домой, они с Васькой сядут за стол в их теплой уютной кухоньке, и она расскажет, в какой нелепой ситуации оказалась, про это смешное несостоявшееся сводничество, про этого Дениса мрачного. Они посмеются вдвоем, попивая горячий чай с вареньем и любимыми Васькиными сушками.

Но по приезде выяснилось, что Васька не разделил ее веселья и, мало того, пожурил даже:

– А чо, хорошая идея! – выдал резюме мальчик.

– Василий Федорович, ты о чем? – поразилась Лена.

– Да ты, Лена, за своей работой нескончаемой и заботой обо мне света белого не видишь! – принялся вразумлять ребенок. – Молодая, красивая, а с мужчинами не встречаешься, не свиданькаешься!

– Васька, ты меня своими народными выражениями с ума сведешь! – сделала попытку вернуться к легкому шутливом тону Лена.

– Не все на московском языке говорят, люди и подальше живут! – миллион первый раз заявил Васька с солидностью знающего человека. – И не пытайся меня сбить с толку!

Ну, сейчас начнется воспитательный процесс – это когда Васька ее уму-разуму учит.

Не замедлил!

– Ты с работы своей когда приходишь? – вопросил он су-

рово. И сам ответил: – Не раньше девяти вечера, а если дома работаешь, то тебя от компьютера за шиворот не оттащишь, есть-пить забываешь! Все пишешь, пишешь до ночи, а то и до утра! Все выходные и свободное время со мной проводишь. Ни в кафешку с друзьями, коллегами, ни куда съездить с коллективом взрослым, всегда меня с собой берешь. А командировки твои! Я думал, может, иностранца какого приметишь для любви! Да где там! Ты по музеям да выставкам, и частным коллекциям, и носом в ноутбук, и писать, писать, и домой скорее!

Лена по опыту знала: лучше не перебивать и не останавливать. Самое правильное – дать выговориться. А то только вступи в дискуссию с Василием Федоровичем – до утра спорить будешь, так ничего и не докажешь.

– Не век же тебе только рядом со мной находиться. Я, конечно, от тебя никуда, но тебе надо и замуж выйти, и деток еще завести, встречаться с мужчинами, а хотя бы для любви!

– Это в смысле душевной любви-то? – не удержалась-таки от язвительности Ленка.

– И ее, и сексу тоже! – утвердил Васька.

Может, какому ребенку тринадцати лет и не пристало говорить с матерью о таких вещах, но не Василию Федоровичу, разбирающемуся в жизни побольше многих взрослых.

– Возвращаемся к идее Зои Львовны и ее подруги, – продолжил назидание сынок. – Идея хорошая. Раз ты сама ни с кем не знакомишься, значит, тебя надо пристроить.

Жаль, я сам не докумекал, давно бы присмотрел подходящего мужчину. У нас знаешь сколько разведенных папаш детей в школу приводят? Хва-та-ет! Ладно, займусь, – поставил себе задачу и закончил на сем поучительное наставление Василий Федорович.

– Ну, займись! – разрешила, смеясь, Ленка.

Встала, подошла к нему, погладила по голове, наклонилась, поцеловала в макушку.

– Я тебя люблю, Васька!

– Я тебя тоже люблю, – глухо из-под ее руки ответил он.

Он совершенно необыкновенный мальчик, Лена это точно знала. Ну какой еще пацан в тринадцать лет разрешит себя обнимать, целовать и гладить?

Вот этот! Только он.

Денис не торопился, не спеша ехал по более-менее свободным субботним вечером московским улицам. Он возвращался в московскую квартиру. В основном жил Денис в Подмосковье, в доме, а в Москве оставался только по необходимости. По этой же необходимости квартира, не самая шикарная и не в элитном районе, пустовавшая большую часть времени, была отремонтирована без изысков особых и дизайнерских изощрений. Так, чтобы уютно и комфортно провести пару-тройку дней, не раздражаясь неустроенностью и запустением. По меркам большинства – так двухкомнатные современные хоромы, по меркам меньшинства побогаче – ско-

рее всего, «отстой».

Вот что его не волновало ни в какой степени – так это выпендреж и мнение чужих людей.

Денис с удовольствием уехал бы домой, за город, но имелись дела, которые требовали его присутствия здесь. Завтра, например, интересная встреча, а в понедельник дела чиновничьи, бумажные.

По пути Денис Васильевич неодобрительно прокручивал в уме нынешнее событие.

Каждые две субботы в месяц он старался приезжать к родителям, обычно часа в три дня. «Родительский день», как Денис это называл.

Он не считал да и не чувствовал это обязанностью или тягостной необходимостью сыновнего долга. Никогда не раздражался из-за оторванного от работы и дел времени и не сетовал на свою сверхзанятость, будучи глубоко убежден, что если у тебя на родных и близких нет времени, значит, ты вообще-то хреново работаешь.

Зачем работать так, что становятся безразличны близкие люди? Для чего, для кого воровать у самого себя жизнь?

Да, несомненно, случается, что с головой и потрохами весь погружаешься в работу, забыв о времени и испытывая непередаваемый восторг от дела, которым занимаешься, но это творчество, и даже из него можно вынырнуть ради любимых людей.

Ну вот такой у него взгляд на жизнь.

Неспешный, несуетный Денис, казалось бы, не торопясь успевал делать во сто крат больше, чем иные деятели, разговаривающие одновременно по двум трубкам и пробегающие по десяти местам за день.

Он приезжал к родителям, обходил с инспекцией квартиру, выясняя, что требует починки или ремонта, записывал в блокнот, который всегда носил с собой, туда же заносил иные необходимости – таблетки, врачей, покупки, насущные мелочи, обстоятельно выясняя нужды родителей. Словом, решал все родительские житейские проблемы.

Все у них было мирно да гладко, пока мама не решила, что пора «устроить» его личную жизнь, и принялась с энтузиазмом знакомить сына со всяческими барышнями. Ра-зу-ме-ет-ся, «замечательными девочками», дочками-племянницами знакомых и подруг, дальних и близких, имеющихся у Анны Михайловны в большом количестве.

А началась эта бодяга два года назад, когда Денис расстался с Викторией. Не сразу – вот, познакомься, прекрасная женщина! Не сразу. А с подготовительного этапа словесной обработки.

– Деничка, ты с кем-нибудь встречаешься?

– Встречаются, мам, школьники и студенты, а в моем возрасте с женщинами спят, – отвечал хороший сын.

– Денис! – призвала к интеллигентному общению мама.

– Ну ты хотя бы с кем-то спишь? – уточнял отец.

– Сплю, – успокоил, посмеиваясь, сынок, – иногда.

– Нет, это ужас какой-то! – возмутилась искренне Анна Михайловна. – Разве можно при матери так цинично! И я тебя совсем о другом спрашивала, а не о пошлом сексе! Я спрашивала, есть ли у тебя серьезные отношения?

– Нет, серьезных нет. Не могу выбрать из обилия предложений, – разводил руками, каясь, Денис.

– Ты все шутишь, а мы с отцом переживаем. Тебе уж сорок скоро, а ни жены, ни детей! – сетовала, сильно огорчаясь, мама.

– Почему шучу? – уверял, делая «серьезный» вид Денис. – Не шучу. Я у девушек пользуюсь большим спросом. Когда молодой и бодрый был, их не интересовал особо, а теперь вдруг стал. Они меня богатым и оттого теперь интересным считают, – разъяснял реалии жизни, посмеиваясь над самим собой, Денис.

– И правильно! – заводился отец. – А почему девушки должны мечтать выйти замуж за голых-босых и дурных?

– Может, по любви? – предложил Денис.

– Знаешь, с любви хлеба не поешь, детей не накормишь, не вырастишь! – заступалась за всех девушек России Анна Михайловна. – Это вообще глупость современная – жениться по любви, – навязанная нам после революции! На ком еще было жениться, как не на таких же нищих и босых? И голодать теперь уже вместе, отстраивая светлое будущее. Гораздо правильнее делали раньше. Родители не дураки, жизнь прожили и прекрасно видели, кто кому подходит и насколько.

И сватали, подбирая детям пару. Семья начиналась с уважения друг к другу, а уж любовь – дело третье. И правильно нынешние девушки выбирают, прикидывают, ставки делают на мужчин состоятельных. Вон вы с Викторией прожили почти три года по любви. И где сейчас эта любовь и та Виктория?

– Мы не по любви, – не понимая, отчего она так разошлась, успокаивал Денис, – мы по влюбленности и удобству.

– Пусть так, но и по влюбленности тоже не получилось! – воинствовала мама.

Не получилось у них по другим причинам, коих имелась не одна, но Денис не жалел ни о чем – ни о прожитых вместе годах и уж тем более о расставании, быстром и решительном.

А с женским полом у него всегда тяжело складывалось, это факт. Причины этих трудностей Анна Михайловна видела по-своему и предлагала сыну измениться.

– Ты замечательный человек, Деничка, но мужчина угрюмый, все молчком, тишком, весь в себе, слова лишнего не скажешь. А женщинам нравятся веселые, бесшабашные, умеющие и себя преподнести, и развеселить, легкие в общении. Я сколько тебе говорила, ты бы у друга своего Вадима поучился. Как он легко с женщинами сходится – там комплименты рассыплет, там цветочки, ухаживания.

– И так же легко расходится, – напомнил Денис, – третий брак и двое детей.

М-да, тяжелый аргумент, на который у мамы не находи-

лось оправдывающих объяснений.

Но знал бы он, к чему вся эта «артподготовка» родительская: мамины наезды-намеки, отцовские хитрые улыбки и понимающие взгляды!

Понял, едва родители в первый раз осуществили тайно задуманное. Когда Денис в очередную «родительскую» субботу приехал к ним, за их семейным столом чинно восседали два неизвестных персонажа: барышенька лет двадцати пяти, с явной претензией на изысканность манер, и дама постарше, ее маман.

– Денис, – торжественно и с энтузиазмом представила мама, – ты помнишь Марину Витальевну, мою бывшую коллегу?

– Нет, – признался, мрачнея, он.

– Мы очень давно не виделись, конечно, но ты должен помнить. Марина Витальевна не раз приходила ко мне на день рождения!

Денис не ответил, сдержанно кивнул, здороваясь, он уже смутно подозревал, что последует дальше. Оно и последовало.

– А это ее доченька, Людочка. Мы с Мариночкой случайно встретились, так обрадовались, решили посидеть, поговорить! – на подъеме поясняла мама.

Денис терпеливо выдержал весь званый, как оказалось, обед, бесконечные хвалебные речи в адрес Людочки, с неприкрытым намеком на откровенное сватовство,

ее скромненькое опускание очей и даже навязчивое предложение родителей и подруги Марины Витальевны «прогуляться молодым по нашему дивному парку, что вам с нами, стариками, сидеть!».

Пошел. Прогуляться, а заодно объяснить барышне, что ей не светит тут, увы.

Растолковывать ничего и не понадобилось, у девочки имелось свое жизненное расписание, которое она поспешила озвучить. Как только они отошли от подъезда, Людочка достала сигареты, затянулась с явным удовольствием, выпустила дым, пристально рассматривая Дениса, и поинтересовалась:

– Так что у тебя за фирма?

– Какая разница? – не собираясь вступать в продолжительную беседу, неохотно спросил Денис.

– Большая, – уверила девушка. – Чем занимается, какие у тебя обороты?

– Ты вроде музыкант, а не налоговый инспектор, – усмехнулся ее любопытству мужчина, уже точно зная – вот сто пудов! – о чем сия музыка, и потеряв последние крохи интереса к данной барышне.

– Музыкант, – кивнула она, – и очень занятой человек, мне некогда тратить время на непродуктивные встречи с мужчинами. У меня высокие запросы, и они стоят немалых денег.

– Нет, Люда, – усмехнувшись, качнул головой Денис, –

я для тебя непродуктивный мужчина. Точно!

Он проводил ее до подъезда, сел в машину и уехал. Конечно, мама позвонила через час, еле дождавшись, когда гости уйдут, чтобы поругать свое чадо.

– Денис, так нельзя!

– Так, как ты придумала, мама, тоже нельзя! Больше не надо меня ни с кем знакомить! Мне это не нужно и неприятно.

Ему пришлось пережить еще несколько родительских попыток знакомства – маму в ее рвении устроить счастливую личную жизнь сына ничего не могло остановить, кроме, пожалуй, глобальной мировой катастрофы. Маетные неуютные обеды Денис переносил с трудом, еще тяжелее проходили разговоры с мамой и попытки убедить прекратить вмешательство в его жизнь.

Сегодняшняя девушка была пятой по счету! Пятой!

Ввалилась в комнату с этим нелепым цветком и еще удивленное лицо сделала! Денис так расстроился, что аж зубы сцепил, что б тут же не наговорить и ей, и родителям жестких неприятных слов.

Ну все! Хватит! Его трудно достать, но уж если умудрились!..

Пригрозит родителям, что перестанет к ним ездить, если еще хоть раз повторится такая глупость. Не послушают – встанет и уйдет! Шантаж в чистом виде, а что делать?

Денис, само собой, к девуленьке-то присматривался незаметно. Он, как любой нормальный мужчина, имеет устойчи-

вый, здоровый интерес к женщинам. Угрюмый там не угрюмый, а от этого никуда не денешься! Природа… мать наша!

А девица, при внимательном рассмотрении, оказалась даже симпатичной. Худенькая, правда. Денис предпочитал женщин высоких, статных, не субтильных, которых не страшно и обнять, прижать при его-то силе в руках.

Но и эта, хоть и худенькая, но не «доска», при груди приятной и о-очень таким хорошим тылом, как называет друг Вадим эту часть женского тела: «попка на отлет!», то есть хорошая такая.

Девушка все больше отмалчивалась и сверкала светло-золотистыми, почти прозрачными злыми глазами. Злилась – точно и вполне очевидно. Это Дениса с ней немного даже примирило – не так чтобы до дружеского пожатия рук и братания, но враждебное отторжение, возникшее поначалу, угасло. Он понял, что девица и на самом деле ни сном ни духом не в теме и не знала о готовящемся знакомстве. Ну хоть не один он тут невинно пострадавший!

«Здрасте!» – и ведь поздоровалась, как подросток-антагонист ко всем взрослым делам и выступлениям. Сразу просекла, что происходит. Умная девочка.

Он хмыкнул довольно, даже головой покрутил, вспоминая, как она с ним прощалась:

«Вы мне не понравились!»

«Молодец! – похвалил мысленно Денис. – Прямо и без выкрутасов словесных. А это ее: «Не верьте! Врут! Льстят, ско-

рее всего!» Ишь, какая ершистая!»

Но и при одобрении прямолинейности и понимании полного неучастия случайной знакомой в этом фарсе все же она ему не понравилась. Воюет почему-то со всеми, и все больше нападает, а не в обороне отсиживается. Да и ситуация, в которой они оказались не по своей воле, скажем прямо, к взаимному интересу не располагала, как раз наоборот.

С другой стороны, маму и Зою Львовну можно понять: исходный порыв, как водится, благородный, но результат обычный для благих намерений.

И почему-то, когда Денис уже припарковал машину у дома, вышел и включил сигнализацию, ему вдруг вспомнились эти золотистые, почти прозрачные злые глаза.

– Журналистка, – усмехнулся, покачав головой, он.

И на том о девушке Лене он помнить и думать перестал.

– Василий Федорович, ну как? – плавно поворачивалась перед Васькой Лена, демонстрируя свой прикид.

Наряд не просто вам так, требовалось продумать, чтобы все смотрелось не слишком вызывающе и в то же время не строго-официально. Элегантно, прямые линии смягчены шелковыми складками блузы, каблук не заоблачно модельный, средний, но Лена и таких не любила. Вот не любила она каблуки и все, хоть и помнила женскую священную заповедь: «Сошла с каблука – сошла с дистанции!»

С дистанции она сошла четыре с половиной года назад,

расставшись с единственной «любовью» своей жизни, и возвращаться в «забег» не торопилась, а попросту и не собиралась вообще, с учетом тяжеленьких сумочек и ноутбука, которые приходится на себе таскать, порой весьма оперативно бегая по городу, – на плоском ходу как-то и веселее, и удобнее.

Но сегодня совсем иная тема!

Сегодня с собой небольшая сумочка в тон туфлям, а в ней – блокнот, пара ручек, маленький диктофон. Необходимо расположить к себе собеседника.

– Вот теперь самое то! – одобрил Василий Федорович третий вариант тактического «прикида». – В самый раз для поставленной задачи. И перестань так нервничать, Лена! Тем более ты говоришь, что это интервью запоздало, его бы раньше, а сейчас уже и неактуально.

– Запоздало для других целей, а я на его основе сделаю классную статью! – крутилась она перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон.

– Вот и расслабься! А то что-нибудь там ляпнешь «не в малину»! – посоветовал Василий.

– Я расслаблюсь по дороге! – уверила Ленка. И пожаловалась: – Господи, Забарин его полгода уговаривал на это интервью, я Забарина доставала, а он ни в какую! И тут здрасте! «Я книгу прочитал, готов пообщаться с этой журналисткой!»

– Прям вот так и сказал? – засомневался Васька.

– Ну не так прямо, более корректно, и что-то там

про «приятно удивлен».

– Вот видишь! Хватит, Лен, перестань вертеться, а то опоздаешь! Все в полном поряде! Ты красотка! – руководил Васька, выводя Лену за руку в прихожую.

Она надела плащик, торопливо покидала в сумочку телефон, пудреницу, помаду, проверила, не забыла ли диктофон.

– Так. Все. Пошла! – подбодрила себя Лена. – Да, Василий Федорович, думаю, часа два-три мне хватит, вернусь, и поедем куда-нибудь на природу, ты пока решай, в какой парк.

– Лена, не суетись! – требовательно остановил ее Васька. – Там посмотрим. Все, езжай уже!

– Ладно, – решительно вздохнула она. – Поехала!

Поцеловав Ваську в щечку, Лена еще разок вздохнула и выскочила за дверь. Она ужасно не любила оставлять сына одного. Все еще боялась за него, необоснованно, и глупо, и абсолютно нелогично, но ничего не могла поделать с этими страхами, используя любую возможность находиться рядом. Даже к друзьям школьным в гости не отпускала, настаивая, чтобы они лучше «тусовались» у них дома. Василий Федорович все ее страхи понимал, не спорил и не пытался вразумлять, так что компании его одноклассников в их квартире не переводились. Родители же друзей со спокойной душой отпускали ребят к ним в гости, ибо, если даже Лена отсутствовала, тут имелся пригляд в лице Зои Львовны, да и личность самого Василия вызывала у взрослых глубокое уважение и даже некоторое почтение.

Сегодня вот, к сожалению, пришлось оставить сына одного дома – Зоя Львовна занята своими делами, а интервью этого Лена ждала очень долго. Пришлось смириться с ситуацией, как не скребло на душе.

Лена мысленно прикрикнула на себя, ругая за пустые страхи, поерзала на сиденье, поудобнее устраиваясь за рулем, и волевым усилием заставляя мысли переключиться на предстоящую работу.

У встречи, на которую Лена спешила и к которой так основательно готовилась, имелась своя предыстория, впрочем, как и у любого события, случающегося в жизни.

Больше четырех лет назад Лена Невельская безапелляционно и в один момент ушла из известной еженедельной газеты, бросив блестящую карьеру журналистки, печатающейся на первых полосах со своими острыми социальными репортажами и расследованиями.

Ушла. В никуда.

Маялась осмысливанием ошибок, пытаясь понять, что впереди и куда дальше двигаться. Ни черта не получалось, было лишь четкое понимание, что ничего она не хочет, и ощущение полной пустоты внутри, как после пожарища в бесхозной избе. От самой себя, непутевой, от этих горьких мыслей Лена сбежала.

Нормальный такой, проверенный способ борьбы с депресняком, правда никому пока еще не помогавший по-настоящему слинять от проблем, но сбежала.

В Архангельск, в гости к одногруппникам по журфаку Ивану и Катьке Березиным, близким друзьям, с которыми они дружили всю учебу. Ребята поженились еще на первом курсе, а по окончании университета вернулись домой и множество раз зазывали Ленку приехать, посмотреть их прекрасный край, пообщаться от души и в большую радость.

Ну вот – поехала. Она бродила и бродила неспешно по улицам города, не замечая усталости, залечивая душевные раны, и… влюбилась в Архангельск, в русскую архитектуру, зодчество великолепных мастеров. И очаровалась необычайно, открыв для себя нечто новое, прекрасное. Жизнь вдруг вновь запахла весной, пробуждая, тревожа и напоминая, что все проходит, и жгучая боль в душе в том числе, как бы ни казалось это невозможным. Ленка встрепенулась, заболела небывалым интересом.

И понеслась, раскручиваясь, ее новая жизнь!

Пришлось залезть в давно откладываемые на покупку машины сбережения. На несколько месяцев Лена просто пропала, ухнув в изучение: Архангельская область, Кижи, Соловки – архитектура; Пермский край – древние деревянные идолы; Каргополь, Суздаль, Переславль-Залесский – иконы, зодчество! С восторженного восхищения русской древней архитектурой и зодчеством интерес девушки сместился к старинной мебели.

Посылом к столь глубокой заинтересованности предметом послужило неожиданное открытие. Оказалось,

что при всей многочисленной, серьезной и многогранной освещенности истории архитектуры России практически отсутствует информация о внутреннем убранстве зданий, о мебели тех времен. Скудно, даже банально выхолощено – лавки, столы, позже сундуки, кое-что про прялки, ткацкие станки, предметы утвари.

Да ладно! Да не может быть! – решила Елена Алексеевна и погрузилась в изучение темы с азартом бывалого следователя, с головой по самую макушку. И между прочим открыла для себя много нового, совершенно небывалого!

Вернулась в Москву и буквально поселилась в Ленинке, в архивах, без зазрения совести пользуясь не изъятым по забывчивости отдела кадров удостоверением журналиста. Елена находилась тогда в непонятном статусе: не была уволена из газеты официально, но и не работала в ней.

Не раздумывая, Лена вновь влезла в заветные «закрома», решив, что и черт бы с ней, с той машиной, когда такое! И поехала по городам и весям страны с конкретной заинтересованностью предметами древней мебели.

Плохо или в полнакала Елена Невельская никогда ничего не делала, и сложился у нее из всех этих изысканий уникальный материал, подкрепленный множеством фотографий. Когда-то в школе Лена увлекалась фотосъемкой и даже в студию ходила, но с окончанием школы забросила эти занятия. Пришлось срочно вспомнить и еще поучиться кое-чему, чтобы снимать самой, правильно выставлять

свет, улавливать нужный ракурс, – словом, много чему пришлось учиться по ходу, таская с собой тяжеленную аппаратуру. Но, когда снимки стали получаться действительно классные, ей прыгать от радости хотелось!

Ну и что у нас в результате? Вот перед ней увесистая папка и естественный вопрос: и что с ней делать?

Что делать, Ленка решила за одну бессонную ночь, придумав план дальнейших действий. Утром обзвонила самые солидные журналы, от интерьерных дизайнерских, до «Вокруг света», ничуть не смущаясь, представлялась журналисткой газеты, в которой работала раньше. Надо сказать, что имя Елены Невельской к тому времени уже было весьма и весьма известно в кругах журналистов, чем сейчас она и воспользовалась, предлагая материал к рассмотрению.

Почти нигде не отказали!

Лена обошла всех главных редакторов, на меньшее – замов или ответственных редакторов – не соглашалась. Рассказывала вкратце содержание материала, показывала снимки и присматривалась к реакции, к людям. Не хотелось отдавать свое детище в равнодушные руки.

Может, и не сложилось бы ничего – не выходило, не клеилось и не выстраивалось так, как ей задумывалось, и Лена уж подумывала, что надо, наверное, идти каким-нибудь иным путем, но…

Пришла она в один известный и солидный, как Лондонский парламент, журнал, освещавший мировую культуру,

историю стран, городов и народов, воспользовавшись уже проверенным «заходом» в виде не изъятого удостоверения. По большому счету уже ничего не ожидая, это вроде и не совсем в тему, и, по-хорошему, она и предположить не могла, что сможет сотрудничать с такими матерыми «путешественниками».

Вошла в кабинет главного редактора, увидела Николая Васильевича Забарина и поняла, что никуда не уйдет, пока не уговорит его взять материал!

Уговаривать не пришлось.

Елена с энтузиазмом рассказывала о своих исследованиях, показывала снимки и только набрала наивысшие обороты красноречия, как издатель ее перебил:

– Оставляйте. Я просмотрю. Контактные телефоны оставьте у секретаря.

Ленка сбилась, а он, посмотрев на нее въедливо и пытливо поверх стильных очков, спросил неожиданно:

– В газете-то своей работаете?

– Нет, – вздохнув покаянно, призналась она.

– То-то, я смотрю, ваших статей давно не видно. Выгнали или сами ушли?

– Ушла.

– Что так? Обладаете прекрасным слогом и вроде в фаворе находились, первые полосы? Конфликт с начальством?

Он чем-то неуловимо напоминал Познера – возрастом, манерой держаться, лицом, улыбчивостью особой, морщи-

нами и непростым мудрым взглядом.

– Все вместе, – чистосердечно ответила Ленка. – И с начальством, и с собой.

Он посмотрел долгим проницательным взглядом и вдруг улыбнулся открыто и щедро.

– Идите, Елена Алексеевна, я просмотрю материал по возможности быстро.

А в два часа ночи он позвонил.

Ленка спросонья, ничего не понимая, долго искала тренькающую трубку, одновременно предпринимая попытки открыть глаза.

– Да! – наконец удалось ответить девушке.

– Это Забарин! – по-деловому представился главный редактор.

– Какой Забарин? – только что не возмутилась она.

Он рассмеялся легким приятным смешком:

– Спите?

– О господи! – начала соображать Лена. – Николай Васильевич?

– Да уж, не Гоголь, трудно узнать! – пошутил он и резко перешел на серьезный тон. – Рукопись вашу я прочитал. Увлекательнейшее чтение, прям детектив!

И поди разбери – пожурил или похвалил, Ленка с перепугу не поняла.

– Напечатаем всю, серией статей с продолжением. Завтра в девять утра у меня в кабинете обговорим детали. Все. Спи-

те!

В девять утра, стоило ей переступить порог его кабинета, Николай Васильевич принялся руководить:

– По российским просторам-то за свой счет моталась? – без предисловий и сразу на «ты» спросил он.

– За свой, – Лена робко села на стульчик напротив него.

– Ладно, оформим задним числом твое внештатное сотрудничество, какую-то часть денег компенсируем. Все не получится, уж извини, – развел начальник руками и почти весело сообщил: – Возьму тебя в штат. Оклад хороший дам.

Елена Алексеевна Невельская, ушлая журналистка, специализирующаяся на острых социальных и криминальных темах, в недавнем прошлом прошедшая такие Крымы-рымы, что только держись, рот открыла от удивления – чу-де-са!

– Давай, Лена, – перестав улыбаться, по-деловому продолжил Николай Васильевич. – Почивать на лаврах некогда и неуютно, скажу я тебе, двигай дальше! Пока твои изыскания несколько месяцев будут печататься, принимайся за дальнейшее, более позднее развитие мебельного производства в России, мастеров и так далее. Это интересно.

– Да… – проблеяла она. – Я как раз об этом думала.

– Что думать! Иди работай! Ксения Андреевна, мой секретарь, тебе все объяснит, со всеми познакомит. Все, Невельская, трудиться! Я начальник строгий!

Никакой он был не строгий, а самый что ни на есть за-

мечательный начальник в мире. И человек, и журналист-писатель. Забарина обожали все подчиненные. Хотя порой он и мог жестко нагоняи раздавать, до испугу и дрожания ручек требовать и не церемониться особо, но при этом всегда оставался самым лучшим руководителем и человечищем.

У них с Леной сразу сложились глубоко уважительные отношения и какая-то даже отцовски-дочерняя любовь. Просто повезло необыкновенно, считала Лена, а Николай Васильевич, который не Гоголь, отмахивался и сыпал афоризмами:

– Кто работает, тому и везет! А расслабляться, Елена, тебе не дам, будешь вкалывать, как крепостная!

А она и не расслаблялась, работала с таким восторженным удовольствием, что иногда немного даже побаивалась этого своего состояния «счастье в труде», в прямом смысле без всяких переносов и иносказаний.

Вот так начался новый этап ее дальнейших изысканий, еще более интересных и глубоких. И – здравствуйте, командировки! – Питер, Карелия, средняя полоса России по бывшим усадьбам и губернским городам, Урал, Сибирь – да везде!

Забарин поддерживал, учил многому, за год работы в издательстве вышла серия ярких, красочных статей Елены Невельской, а материала накопилось столько, что и половины не напечатали. Ленка любовно собирала материал, сортировала, но до поры и не задумывалась, что с ним делать-то

дальше, не мертвым же грузом ему вечно лежать.

Но случился в ее жизни еще один крутой вираж, столь сложный и замысловатый, что, как выстояла, выдержала наперекор всем, до сих пор не знает.

Выстояла.

На злости, упертости характера, понимая, что не сдастся и не отступит ни при каких условиях, умудряясь совмещать работу и решение этой нелегкой проблемы.

Но это другая история. Совсем другая. Справилась, и Николай Васильевич помог.

А тогда, написав заключительную, четырнадцатую по счету статью, Лена вдруг осознала, что все! Все!?

И как очнулась от забытья многолетнего.

Просмотрела, что сделала, и обнаружила, что посвятила изучению этой темы два года, если начинать отсчет с того момента, как Лена переключилась с архитектуры на мебель. И вот она – заключительная большая статья с анализом современного положения искусства краснодеревщиков, интервью с ведущими специалистами в этой области, с выражением преклонения перед их делом и талантами и призыв к руководству страны поддерживать и развивать.

Итог. Жирная точка.

Два года – как второе высшее образование получила. И что дальше?

Она ведь вроде журналист? Историю развития мебельного искусства страны изучила весьма досконально и обстоятель-

но, но ведь делать-то саму мебель она не собирается? И что дальше?

Статью написала, отправила в издательство, прямо как с любимым человеком рассталась – до слез! Взяла несколько дней выходных, грустила, думала, пересматривая вновь и вновь накопленные материалы.

И посетило Елену Алексеевну Невельскую глухой, бессонной ночью озарение!

Даже несколько озарений сразу!

Первое: есть и другие страны, за пределами России, – открытие само по себе! И история их мебельного искусства тоже существует! Нонсенс, не правда ли?

Второе: а напишет-ка она книгу, куда войдет все собранное за время исследований. А почему нет?

И третье: а какие из стран в рамках этого направления ей интересны?

И оказалось – многие!

Все взаимосвязано в мире, а уж люди-народы, страны-континенты, традиции-предания, легенды – и подавно! Огромное количество сюжетов перекликаются, переплетаются в культуре разных народов. Но поскольку Елена в своем огороде – например, в русском зодчестве есть масса элементов, заимствованных или просто совпадающих с этносом, скажем, северных народов, и тюркских, иногда и древнеримские напевки просматриваются, да полно всего!

Викинги!

Вот что интересно! Скандинавия. Уж этого «добра» в работах древних русских мастеров хватает! Если учесть, что викинги дошли до Днепра и долго правили в Киеве.

И начать следует с Дании и Норвегии.

Ура!

Еле дождавшись утра, Лена прибежала в редакцию раньше всех и топталась в приемной, ожидая с нетерпением Забарина. Ксения Андреевна посматривала на ее хождения, понимающе улыбаясь:

– Вы бы присели, Леночка.

– Не могу, Ксения Андреевна! – жаловалась Ленка.

– Невельская, пожар? – строго спросил Николай Васильевич, войдя в приемную и застав свою подчиненную в таком взбудораженном состоянии.

– Я придумала, что делать дальше! – поделилась радостью Лена.

– Рабочий энтузиазм приветствуется, – поддержал Забарик. – Пойдем, поведаешь!

Выслушал. План одобрил. Правда, про книгу Лена ему не сказала.

И Ленка понеслась осуществлять – архивы, библиотеки, Интернет, командировки…

Нормально, поехали дальше!

А книгу она писала втайне от начальства, сюрприз Забарину готовила. Но, если до конца быть честной, боялась, что не справится, напортачит от неопытности, да и замах уж

больно амбициозный – книга!

Книга формировалась медленно, отодвигаемая насущными статьями, новыми интересами, командировками, но Лена про нее не забывала, не задвигала подальше, делала потихоньку, заново погружаясь в тему, подбирая фотографии. «Картинки», как их называл Василий Федорович, он же первый читатель и главный критик рукописи.

Подытоживая тему, обозначая современные реалии, Лена тогда брала множество интервью у самых известных краснодеревщиков страны. И у Валерия Сологуба, и Михаила Корвасовского, Владимира Бондаренко, даже в Хабаровск летала к известному Павлу Ефремову, да много еще с кем беседовала. Все они, великолепные мастера с мировыми именами, с готовностью делились мыслями, знаниями, потому что болели за свое дело, увы, практически загубленное в советские времена и окончательно добитое в середине девяностых. Сейчас только-только что-то начало восстанавливаться, по крупицам, и мастера не просто реставрировали, а стали создавать свои эксклюзивные произведения. Понемногу, но какие! Шедевры! И делают же! Красотища потрясающая! Просто потрясающая – не оторваться!

И своевременно, и замечательно, что об этом начали писать, говорить, ценить их наконец. И сами мастера стараются как можно больше рассказать о своей профессии, пропагандировать ее.

Все, кроме одного.

Некоего Арбенина.

Совершенно уникальный мастер, виртуоз, гений! Лена видела несколько его работ, что называется, «вживую» и многие в каталоге, так у нее аж дух от восторга захватывало! Что-то потрясающее! Не работа – волшебство! Колдовство какое-то!

Но мастер категорически не давал никаких интервью.

Вот категорически, и все! Ни в одном печатном издании, в Интернете даже фото его нет, и информации – скупые слезы: «В девяносто пятом начал обучение у самого известного мастера России Володарского Михаила Захаровича. Окончил Строгановский университет. В две тысячи втором году перешел от чистой реставрации к производству авторской мебели. Работы Арбенина выставлялись в архитектурной галерее в Москве и на международных выставках, в том числе на выставке в Милане были представлены его кровать и два стула-корытца, на международной выставке-бутике роскоши ELITE LIFE в Нахабино комод и трюмо в классическом стиле…»

А дальше перечисление иных выставок, всяческое бла-бла-бла о произведениях искусства в исполнении Арбенина! Ноль полезной информации.

Контактные телефоны для заказа работ, каталог известных уже предметов, и все! Привет, пишите письма!

Ленка «окучивала» Забарина больше полугода, ныла, умоляла раскрутить этого Арбенина на интервью, Николай

Васильевич старался, а в ответ – глухая тишина!

– Да и бог с ним, Лена! Зачем он тебе сдался-то? – недоумевало начальство. – С русской темой ты закончила, у тебя сейчас актуальна Скандинавия, ею и занимайся!

– Я задумала переплести интервью их специалистов и наших, – врала вдохновенно Ленка на голубом глазу.

– Идея неплохая, почему первый раз слышу? – журил Николай Васильевич.

– А я разве не говорила? – «включала дурочку» Елена Алексеевна.

– Ты мне голову не морочь, Невельская! – призывал к порядку барышню распоясавшуюся Забарин. – Ты мне плешь проела, подай тебе Арбенина, и все, а тут на ходу причину придумала!

– Ну, Никола-ай Васили-ич, – каялась посредством нытья Ленка.

– «Переплести», – передразнил он уже миролюбиво. – Сейчас придумала?

– Но здорово же! – «не кололась» она, сюрприз же все-таки!

– Ничего, – не сильно выказал одобрение, но и не отговаривал начальник. – Ну и сделай, у тебя же полно интервью с другими специалистами.

– Они все классные, лучшие! – сверкая глазами, принималась объяснять Лена. – Они такие вещи делают, взгляд не оторвешь! Валерий Васильевич Сологуб с сыновьями та-

кую красотищу творит! А Бондаренко в современном стиле! А Егоров! Звание «Лучший краснодеревщик России» в прошлом году присвоили, мебель без единого гвоздя! Все мастера божественные, уникальные! Но Арбенин – особый! У него дерево поет! Пальцами проводишь – прямо музыка звучит!

– Это где это ты по его мебели пальцами водила? – подозрительно выяснял Николай Васильевич, глянув на сотрудницу поверх очков.

– Да на одной выставке, – сбилась с восторженной волны Невельская.

– Это часом не на той, с которой тебя турнули? – усмехнулся Забарин.

– И не турнули, а интеллигентно попросили, – засмущалась бойкая журналистка.

– Ну да, ну да, под ручки вывели! Помню, – посмеивался он. – Ладно, обойдешься без твоего «особого».

Забарин же не знал и не догадывался даже, что Лена втихаря книжку готовит! А Ленке ужасно, прямо до визга нетерпеливого, хотелось поговорить с этим Арбениным! Вот трава не расти!

Трава расти не перестала, интервью упрямый мастер не дал. Бирюк какой-то!

Четыре месяца назад Елена Алексеевна робко вошла в начальственный кабинет и вручила Забарину рукопись книги с фотоматериалами к ней.

– Да ты что?! – поразился Николай Васильевич. – Ну, Еле-

на Прекрасная, ты даешь! Поразила!

Полистал, просмотрел, поднял на девушку взгляд поверх очков.

– Дела задвину, читать буду! Иди, не мешай!

Книжка получилась на славу!

И снимки прекрасно вышли, а текст читался, как художественная литература, и все же Лена Невельская постоянно сомневалась в своей объективности, думала, что можно было лучше, сильнее. Переживала ужасно!

На презентации стакан с водой опрокинула, облив новенькие туфли, микрофон уронила, оглушив всех присутствовавших, спотыкалась, толком сказать ничего не могла, только улыбалась смущенно и все думала: «Да кому эта книга нужна-то на самом деле?! Специалистам разве? Да и им на кой, они и так все про свою работу знают!»

Оказалось, что нужна. Да еще и как!

Приехала уйма народу, и Ленка давала автографы, подписывала книги, раскраснелась вся, не различала лиц, мелькающих перед ней, кивала как заведенная, не понимая, что ей говорят и о чем спрашивают. Василий Федорович стоял у нее за спиной, собирал и «складировал» букеты, подарочки и периодически дергал мать за локоть, чтоб не нервничала так уж.

Единственное, о чем Лена умолила Николая Васильевича, – никакой съемки! Ни камер, ни фото, даже личных. Вот просто нет, и все!

– Как это? – возмутился он.

– Ну пожалуйста-а-а! – чуть не плакала сотрудница. – Никакой, пардоньте-с, прессы! Не хочу!

– С ума сошла! – ругался Забарин. – А пиар любимого журнала!? Это же общественное мероприятие, мы же похвалиться обязаны!

– Ну, Никола-а-ай Василич… – канючила Лена.

– Дрейфишь? – понял он.

Не то слово! Лена пребывала в устойчивой уверенности, что никто не придет, кроме коллег и родных-близких, никто не придет, и позориться из-за провала не хотела.

– Ладно уж, – смилостивился Николай Васильевич, – пару фотографий для внутреннего пользования, а презентацию повторим по полной программе, когда книга пойдет в продажу по регионам. Тогда уж не отвертишься! И перестань дрейфить!

А через пять дней после презентации Забарин вызвал Лену к себе.

– Не знаю, нужно ли это тебе сейчас, – с сомнением начал он, – но позвонил твой Арбенин недоступный. Сказал, что прочитал книгу, приятно поражен столь глубоким анализом и искренним уважением к их профессии. Именно так и сказал, ничего более. Выказал готовность с тобой побеседовать.

– Да вы что?! – обалдела Ленка.

– А что ты так возрадовалась? – остудил Забарин. – Серия

статей давно закончена, книга вышла. За каким чертом тебе сейчас это интервью?

– Я что-нибудь обязательно придумаю! – ликовала Елена Алексеевна.

– Ну-ну, – выказал сомнения Забарин, – он предложил встретиться в кафе, сейчас скажу, в каком…

Николай Васильевич порылся в своих записях на столе и назвал кафе.

– Знаю, – кивнула Лена, готовая прямо сейчас и отсюда стартануть на встречу.

– Пойдешь?

– Обязательно!

– Ну как знаешь. Подойдешь к администратору, он тебе столик укажет. В двенадцать дня. В воскресенье.

Трепетно ожидаемое воскресенье настало, и Лена подъехала к нужному кафе в центре, высматривая место для парковки.

Легко и просто! Воскресенье, двенадцать утра – да пожалуйста, хоть упаркуйся весь!

Звеня от предвкушения, улыбаясь жизнерадостно, Елена Алексеевна сдала плащик в гардеробе и подошла к метрдотелю.

– Я Невельская.

– Вас ожидают, – приветливо улыбнулся он, – я провожу. Прошу сюда.

Они прошли через большой зал, почти пустой в это вре-

мя, лишь несколько человек за столиками. Метрдотель впереди, указывая дорогу, Лена сзади, по-девчоночьи волнуясь, понимая, что никак не может перестать улыбаться. Несколько колонн в римском стиле с легкими шторками между ними отделяли большой зал от более камерной части, где возле окон располагались три столика.

– Прошу, – остановился мужчина, пропуская Лену вперед.

Она кивнула, благодаря, шагнула вперед и… и улыбаться перестала.

Перестала звенеть, дребезжать нетерпеливым предвкушением, радоваться. Остановилась, как на препятствие натолкнулась.

«Встань передо мной, как лист перед травой!» Вот-вот, так она и встала!

Из-за среднего столика медленно поднялся ее давешний, не состоявшийся в дружеском знакомстве Денис, хороший, как помнится, сын друзей Зои Львовны.

– Черт! – невольно вырвалось у Лены.

Метрдотель улыбнулся еще шире, кивнул довольно и удалился.

– Вот именно, – отозвался ее визави, разделяя оценку ситуации.

Так! Отступать некуда, сзади, как водится, Москва и горячее продолжительное желание Елены Алексеевны взять интервью у данного господина. На негнущихся ногах, еще не побежденная Лена проследовала к столику. Мужчина

помог ей сесть, галантно пододвинув стул, и вернулся на свое место.

– Вы Денис Арбенин, – озвучила Лена очевидный теперь уже факт.

– М-да, – невесело признался он и выдвинул свое утверждение, – а вы Елена Невельская.

– Думаю, утверждать, что нам обоюдно очень приятно познакомиться, мы не будем? – предположила Лена.

– Ну почему, – не согласился Денис Васильевич, – мне приятно познакомиться с автором такой книги.

А Лена вдруг поняла, что ситуация скорее комичная, чем трагичная, и легко рассмеялась, вот на «раз-два» и непонятно почему! Улыбнулась и задорно призналась:

– Я так долго мечтала взять у вас интервью, поговорить, посмотреть ваши работы! Но, увы, вы слишком недоступны!

– Я не даю интервью, Елена… ммм… – совершенно непонятным тоном напомнил он.

– Алексеевна, – подсказала она. И спросила: – А почему?

– По нескольким причинам…

К ним подошел официант. Проигнорировав меню, они заказали воду, кофе и вернулись к кое-как выстраивающейся беседе.

– Странно, – призадумалась Лена, – как получилось, что мы до сих пор не познакомились. Мы же с вами посещали одни выставки, общались с одним, довольно узким, кругом людей, и нас не представили. Ну, предположим, не сло-

жилось лично познакомиться, и вашего фото нигде нет. Но моя-то фотография есть в Интернете, и не только на сайте издательства, вы же наверняка изучали персону автора книги и могли бы меня узнать.

– Я не сильно интересуюсь людьми, – слегка пожав плечами, признался Денис, – мне интересна ваша работа, а смотреть фото, извините, нет.

– Но я могла вчера хотя бы предположить, что вы Арбенин! – поражалась сама себе и странным обстоятельствам Лена. – Не так уж много в Москве Денисов Васильевичей!

– Я думаю, мы не будем обсуждать вчерашнюю встречу, – с нажимом произнес Арбенин.

– Денис Васильевич, – улыбаясь, предложила Лена, – а давайте обсудим! Посмеемся, пожмем друг другу руки и забудем о неловком происшествии! Чтобы это не мешало нам с удовольствием и искренне говорить о деле! А?

– Да все это ерунда, Елена Алексеевна, и нечего тут обсуждать! – недовольно и явно с предупреждением возразил Арбенин.

Она уж собралась возразить, скорее из вредности, спровоцированная этой его отстраненностью холодной, но, более чем вовремя, подошел официант, принеся их заказ. Лена откинулась на спинку стула, пока молодой человек расставлял на столе бутылки с водой, стаканы и чашки с кофе, рассматривала Арбенина и думала: «Какой закрытый, мрачный мужик! Как при этом он умудряется создавать настоящие про-

изведения искусства? Парадокс!»

Отпивая воды из стакана, Денис Васильевич перехватил этот изучающий взгляд и усмехнулся.

– Не нравлюсь я вам, – не спросил, констатировал.

– И не надейтесь! – энергично отвергла его оценку Лена. – Нравитесь, и еще как! Ваши работы – это…

Она развела руками, демонстрируя невозможность подобрать слова и эпитеты, чтобы в полной мере описать свое восхищение.

– …это не просто гениально! Это нечто невероятное!

– Лена, почему вы все время воюете? – сбив влет ее пафос, ошарашил вдруг вопросом Арбенин.

Ленка аж задохнулась от неожиданности, как рыба, выброшенная на берег. Выпучила на него глаза, забыв прибрать куда-нибудь раскинутые руки, так и повисшие в воздухе.

А он, сделав глоток кофе, поставил чашку на блюдце и посмотрел на девушку невинно-ожидающим, даже скучающим немного взглядом, словно про погоду в Неаполе спросил.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя от растерянности, опустить наконец руки, осмыслить это его простецкое «Лена» и сам вопрос.

Обнаружилось, что ответить ей нечего, никакой воинственности она за собой не замечала! Но Денис же обратил внимание! А он, между прочим, художник, да еще какой!

Сбитая со всех своих настроев Лена посмотрела за окно и неожиданно, без предупреждений внутренних и без всяких

видимых внешних причин, почувствовала вдруг огромную, как плита бетонная, усталость. Такую, что и обдумывать ее сил не было.

Арбенин молчал, пристально рассматривал Елену Невельскую. Что он там себе думал в голове гениальной? Поди разберись!

– А знаете, – каким-то старческим голосом, без напора, без эмоций и без жизненных сил, произнесла Лена, – к чертовой матери все это. Мне многие ваши коллеги не раз говорили, что с вами нелегко беседовать. По большому счету, интервью с вами мне уже и не нужно.

– Зачем же вы согласились на встречу? – нахмурился Арбенин.

– Всегда интересно поделиться с профессионалом своими находками, открытиями, узнать от него нечто новое, особенно если восторгаешься его работами, – тем же потухшим уставшим тоном объяснила она. – А разговора, Денис Васильевич, у нас с вами не получается. Думаю, если бы не вчерашняя встреча, то сегодня мы бы прекрасно пообщались к обоюдному удовлетворению. На работе я не воюю, я всех люблю и уважаю. И еще, как я сказала вчера вашему батюшке, я не «желтая» пресса и о личной жизни людей не пишу. Только если они сами считают нужным о ней рассказывать и факты, рассказанные ими, имеют прямое отношение к теме. Вы зря так боялись со мной встречаться.

– Я читал ваши статьи, – ровным тоном отозвался Ар-

бенин. – И в журнале, и те, которые вы писали ранее, работая в газете. Остро работали, бесстрашно, на грани фола, я бы сказал. Тогда вы и про личную, и про финансовую, и про криминальную жизнь писали.

– Денис Васильевич, – все тем же усталым голосом спросила Лена, – а почему вы согласились со мной встретиться?

– Книгу вы написали хорошую. Замечательную. Мне захотелось познакомиться с неравнодушным автором. И как вы там сейчас сказали? Поделиться своими находками и открытиями и узнать что-то новое. Тем более вы человек не из «цеха», и вам многое по-другому видится, может, лучше, яснее и глубже.

Лена смотрела на собеседника. Он злился. Что-то там ворочалось у него в голове, малоприятное, судя по напряженной позе, сведенным бровям и прищуренным темно-зеленым глазам.

– Такое ощущение, что мы с вами на похоронах и произносим надгробные речи, – заметила постно девушка.

– Это разочарование, Елена Алексеевна, – пояснил Арбенин. – Так бывает, когда ожидания не сбываются.

Лене захотелось посмеяться над нелепостью их обоюдных претензий и разочарований: «когда ожидания не сбываются». Усталость эта душевная, странная, свалившаяся тяжестью бетонной, никуда не делась, улеглась в сознании и застряла, а вот настроение отчего-то, совершенно нелогично и вдруг, как говорит Гришковец, – улучшилось! И Лена ре-

шила переиграть это испорченное с самого начала деловое свидание заново, совсем по-другому! Так, как хотелось, мечталось ей долгое время!

– А мы можем это исправить! – поделилась улучшившимся настроением Лена.

– Как? – не выказывая энтузиазма и интереса, дежурно спросил Арбенин.

– Для начала – плюнуть! – решительно утвердила госпожа Невельская. – И, как говорят в Одессе, смачно! Вы завтракали, Денис Васильевич?

– Так, перекусил, – скорее от неожиданности вопроса признался он. – Вы предлагаете поесть?

– Нет, вернее да, но не здесь. В свете моего первичного заявления «а к чертовой матери все это!» предлагаю туда же задвинуть наше недовольство от знакомства, а заодно и политес с протоколом. Приглашаю вас в гости, прямо сейчас. Мы вчера вечером экспериментировали в области кулинарии и приготовили вкуснейшую кулебяку, есть чем угостить! Но главное, мне очень хочется показать вам фотографии, которые не вошли в книгу. Среди них есть совершенно уникальные, вы таких, может, и не видели! Я их мало кому показывала. Например, поморские кадушки для вещей, там такая резьба! Поехали, а?

Она снова загорелась, зажглась оптимизмом. Ну усталость, и что теперь? Да и бог с ней, потом разберется, откуда что взялось. А не разберется, то задвинет куда поглубже

и будет жить дальше, да хоть и с усталостью душевной.

– А это удобно? – сомневался, несколько растерявшись от такого предложения и напора, Арбенин. – Вы наверняка живете не одна?

– Я живу не одна, и это удобно! – спешила осуществить задуманное Лена.

– Ну поехали, – не стал сопротивляться Денис.

Арбенин ехал за ее машиной и размышлял.

Странная ситуация. И женщина странная.

Денис читал все ее статьи в журнале и ждал их выхода, каждый раз удивляясь, насколько точно она видит, понимает и освещает предмет, с любовью, проникновенно рассказывая о мастерах и их произведениях. Когда о старине, дохристианской и более поздней, то погружает читателя своим описанием в атмосферу суровой сдержанной красоты; в постпетровское время – в легкую моцартовскую ажурность, иногда вычурность.

Заинтересовавшись автором, он порылся в Интернете, прочитал все ее давние газетные статьи и подивился еще больше. Экий крутой вираж, однако: от талантливого, смелого, острого репортера с разоблачениями, яркими портретами персонажей, с бескомпромиссным ковырянием в очень небезопасных, а порой и откровенно рискованных темах, и на тебе – история России! И так же ярко, сильно! На всю мощь душевную.

Намеренно не выясняя личных подробностей об авторе

и ее жизни – даже фото смотреть не стал, Денис представлял себе эту журналистку молодой, амбициозной, бесшабашной, опасно смелой, любящей рисковать, что в его понимании граничило с некой глупостью. Наверняка хохотушкой, влюбленной в жизнь, одаренной Всевышним талантом к писательству.

Почему-то ему так воображалось.

Книгу он прочитал дважды. И самым внимательным образом, с лупой, рассмотрел фотографии, выполненные на высоком уровне с большим разрешением и четкостью мелких деталей.

И переменил свое мнение об авторе, даже не переменил, а скорее дополнил.

Было в ее книге что-то завораживающее. Мистическое. На общем фоне некой музыкальности построения фраз, описывающих предметы и работу мастеров, сквозила грусть по безвозвратно утраченным навыкам-умениям, элементам мастерства и истинное сердечное переживание о самой профессии, практически похороненной, забытой.

И ему захотелось встретиться, поговорить с автором, понять, что за барышня такая и откуда у нее столь глубокая душевная печаль-забота об искусстве краснодеревщиков.

Арбенин волновался отчего-то, когда ждал ее, – вот честное слово! Правда, Денис всегда волновался, встречаясь, знакомясь с женщиной. У него это получалось как-то коряво, и девушкам не нравилось.

Такой вот уродился.

Но здесь другой случай, встреча подразумевалась профессиональная, а не личностная, и понятно, что он «музыку заказывает»…

Когда Денис увидел девушку в кафе, в первое мгновение подумал, что это случайность и она совсем не та, которую он ожидает. Ну, тоже пришла в это кафе, чего не бывает!

И разозлился, поняв, что все-таки она и есть автор заинтересовавшей его книги!

Ну что за невезуха!

Переступить через первое впечатление сложившегося вчера от «девушки с цветком» никак не мог! Уговаривал себя мысленно остыть и все наблюдал за ней.

Ну вот, странная она, что хотите с ним делайте!

Напустила на себя вчерашнюю, чуть надменную саркастичность, снисходительно предложив «обсудить, посмеяться и забыть», и настаивала недовольно, когда он отказался обсуждать. Брызнула преувеличенной хвалебной восторженностью и вдруг сникла после его вопроса, имевшего определенное намерение – сбить с дамы эдакий флер надменности.

Сбилась, о чем-то задумалась, и Денис, внимательно наблюдавший за ней, увидел, как накрыла ее волна какой-то темной, застарелой, непроглядной душевной усталости, словно сломалось что-то в ней. В один миг. В глазах, вместо только что скакавших искорок задора, появилась непомерная тяжесть, ему на миг показалось, что его собе-

седница даже постарела, осунулась в пару секунд, как будто сгорела.

Да что с ней такое?

Арбенин обругал себя старым идиотом! Что полез, зачем задевал? Он же про нее ничего не знает! Ему прямо тошно стало и от себя самого, и от нее, и от того, что не сложилось это их интервью, о котором он так много думал. Елена заговорила равнодушным тоном, он отвечал, стараясь держать ровность голоса, чтоб еще чем не обидеть.

Это она правильно сказала: «как на похоронах».

Ему захотелось сбежать, распрощаться с ней как можно скорее и уйти от этих ее глаз усталых, голоса потухшего. И еще как-то загладить свою вину, извиниться, что ли.

Но эта непредсказуемая Невельская и тут его удивила.

Неожиданно, без всяких переходов как переключилась с минуса на плюс! Нет, никуда не делась та грустная тяжесть в глубине глаз, но поверх нее вдруг запрыгали искорки интереса. И ошарашила приглашением. Ну вот и здрасте вам! Что это?

А уж когда упоминала про резьбу древнюю и фотографии, так совсем чертята в глазах расплясались.

Денис находился сейчас в глубоком недоумении, ехал за ней и спрашивал себя: «Ну, и что это все значит? Что за кульбиты такие? Да еще домой пригласила!» А еще он думал о лифте. Дом, в котором проживала Елена Алексеевна «не одна», Денис хорошо знал, несколько раз побы-

вав в гостях у маминой подруги Зои Львовны. Дом старый, малоэтажный, и лифт в нем такой же древности – большой, скрипучий железный короб, почти всегда не работающий. Денису нетрудно подняться и по лестнице, но совсем не хотелось, чтобы госпожа Невельская обратила внимание на его хромоту.

Можно, в свете этой проблемы, лишний раз призадуматься о собственных комплексах и неумении анализировать свои чувства, а не только удивляться поведению спутницы. Но Денис привычно послал куда подальше все эти анализы, тем более что они уже вошли в подъезд.

Он глянул поверх головы своей спутницы на двери лифта, двери порадовали новизной агрегата. Работает. Уже хорошо.

В напряженном молчании оба поднялись на нужный этаж. Первой заговорила Лена, нарушая возникшую неловкость, позвонила в дверь квартиры двумя короткими звонками и тут же открыла ее ключом:

– Условный сигнал, – пояснила она, – на всякий случай.

Распахнула перед Денисом дверь и радушно пригласила:

– Проходите!

Разумеется, на тот самый условный сигнал Васька вышел встречать Лену в прихожую.

– Знакомьтесь, – взялась представлять Лена, проходя за Денисом в квартиру и закрывая за собой дверь, – Василий Федорович, а это Денис Васильевич.

Васька степенно, по-мужски значительно протянул ладо-

шку, утонувшую в широченной ручище Арбенина. Поздоровался.

– Это с вами Лена интервью полгода добивалась? – выяснял Васька.

– Со мной, – признался Денис.

– И что, не получилось? – продолжил выяснения пацан. – Что-то быстро вы закончили.

– Мы решили продолжить дома за компьютером, а заодно и позавтракать, – спасла гостя от въедливых Васькиных вопросов Лена.

– Это правильно! – солидно поддержал решение Васька и направился в кухню. – Нечего по всяким общепитам ерунду кушать, желудки портить. Дома надо питаться. Ну, проходите, что вы там застряли! – поторопил их уже из кухни он.

– А сколько ему лет? – наклонившись к Лене, тихо спросил Денис.

– Мне тринадцать, и я все слышу! – отозвался из кухни Васька.

Денис стушевался! С детьми он как-то совсем не умел общаться, впрочем, как и с дамами. А Лена рассмеялась:

– Ничего, привыкните! Поначалу все пугаются большой умности и рассудительности Василия Федоровича.

– Не пугаются, Лена, а удивляются, я ж не чудище какое! – уточнил из кухни Вася.

– Проходите, Денис Васильевич, а то он так и будет оттуда реплики подавать, – пригласила еще раз Лена и потянула

гостя за локоть.

Денис двинулся за ней, но с большой долей сомнения: мальчик, которого почему-то называют по имени и отчеству! Арбенин понятия не имел, как с таким мальчиком общаться.

А Васька уже включил чайник и засовывал в микроволновку большую тарелку с кулебякой, упомянутой Леной.

– Садитесь, – распорядился он вошедшим.

Лена подключилась к накрыванию стола – салфеточки, чашечки-блюдца, ложечки, вазочки с вареньем, тарелки, вилки-ножи под кулебяку. Денис сел на указанный стул и осмотрелся. Кухня большая и уютная, современная, он бы назвал свое ощущение от обстановки: теплое. И Елена здесь расслабилась, улыбалась открыто, без какого-либо подтекста, – может, прошло то неприятное, тяжелое, что накатило на нее в кафе?

Пока Денис осматривался, приглядывался, Лена с сыном успели накрыть на стол, мальчик Василий Федорович достал из печки блюдо с угощением, и по кухне распространился совершенно фантастический, дурманящий запах домашних пирогов.

– Есть хочется, – как бы соглашаясь с кем-то, призналась Елена Алексеевна. Она ловко нарезала и раскладывала по тарелкам кулебяку.

Василий расположился напротив Дениса, придвинувшись со стулом вплотную к самому столу, так что упирался в него грудью.

– Лена говорила, что вы великий художник, – начал застольную беседу Васька, – преувеличивает или и вправду великий?

Денис растерянно уставился на пацана.

Мамаша странная, а сынок и того хлеще!

– Не тушуйтесь, Денис Васильевич, Василий Федорович у нас всегда так изъясняется, без подтекста и прямолинейно, как танк в бою.

Денис отхлебнул чаю, стараясь не раздавить хрупкую фарфоровую чашечку, и посмотрел на мальчишку, с удовольствием уплетавшего пирог. Васька запивал его чаем из огромной кружки.

– А можно мне подобную кружку, – спросил вдруг Денис, – я маленькие не люблю.

– У меня есть еще одна, – кивнул Васька.

И напряжение вдруг отпустило Дениса, когда он отметил совсем мальчишеское движение пацана, а еще веселый вихор у него на макушке.

– Так вы не ответили, – поставив перед гостем кружку, допытывался пацан, – великий или так себе?

– Я не художник, скорее столяр-плотник, – вступил в диалог Денис.

– Это господин Арбенин скромничает, Васька, – не удержалась, само собой, Ленка, – он краснодеревщик и художник. Прекрасные вещи делает! Я ж тебе показывала, ты сам видел!

– А где вы ему показывали? – подивился Денис.

– Она меня на выставку таскала, – ответил за Лену Васька, устраиваясь по новой за столом, задвигаясь вплотную вместе со стулом, – там всякого добра полно было, и ваши два кресла. А еще у нее полный комп фоток, там тоже ваши вещи есть. И каталог ваших работ.

– Тогда тебе судить, какой я мастер, – заметил Денис.

– Мне очень понравилось, – солидно оповестил Васька.

– Вообще-то, Василий у нас товарищ продвинутый в мебельной теме. Пока я ею занимаюсь, он изучил материалы, прослушал мои индивидуальные лекции и прочитал статьи, – пояснила уровень Васькиных знаний Лена.

– И книгу, – добавил к списку Васька, – в рукописи, а потом уж в книжке со всеми картинками.

– И как тебе книга, Василий Федорович? – спросил Денис заинтересованно.

– Классная, что ж тут скажешь, – пожал плечами Васька. – Лена у меня тоже талантливая, не один вы.

– Это точно, – сдержал улыбку Денис.

Ему с каждой минутой становилось уютнее и спокойнее здесь, в этом доме, что-то теплое, приятное устраивалось, ворочаясь внутри.

Окружающее вдруг показалось Денису снимком. Кухня эта, плывущая во времени, залитая мягким приятным светом из люстры под абажуром, дурманящий запах домашнего пирога, огромная красная кружка с нарисованными веселы-

ми человечками у него в руке, серьезный, не по годам рассудительный мальчик, его смеющаяся мама, глядящая на сына с нескрываемой любовью…

Все это создавало удивительно теплое ощущение. Как у жаркой печки, длинным зимним вечером, когда за окном вьюга и мгла, а в доме тепло, безопасно в кругу близких и родных людей, и кто-то читает малышам древние сказки.

Дениса вдруг охватила грусть, что эта картинка не из его жизни. Все это промелькнуло смутным ощущением.

Но он не умел про чувства ни говорить, ни размышлять, ни анализировать.

Чувствовать умел, все остальное – нет!

– Давайте еще кусочек положу, Денис Васильевич? – предложила откуда-то издалека девушка.

А он и не заметил, как все съел, зачарованный моментом и размышлениями.

– С удовольствием, – согласился Денис, подставляя свою тарелку. – И знаете, Елена Алексеевна, давайте по именам, без отчеств, а то сплошной официоз.

– Согласна, Денис, давайте без отчеств, – поддержала хозяйка хорошее начинание.

– Но я что-то так и не понял, – встрял Васька, – вы интервью-то Лене дали? Или зажали?

– Зажал, – разулыбался Денис. – Я, Василий Федорович, разговоры разговаривать не очень люблю. Предпочитаю дело делать руками и головой.

– Я бы посмотрел, как вы это руками делаете, – признался Васька мечтательно, – я все у Лены допытывался, как это у них получается? Берут дерево и такие из него кренделя выделывают, только держись! И заворачивают, изгибают, а резьба всякая! И, это, как его?.. Щас, слово такое, – мальчик наморщил лоб и постучал по нему пальцем.

Лена с Арбениным переглянулись, и Денис задержал на ней взгляд, отметив, как она похорошела, надо же! Наверное, действительно сильно устала от чего-то, а дома отдыхает, успокаивается, даже помолодела, и глаза такие…

– Вспомнил! – отвлек его от мыслей Васька. – Маркетри! Вот как это называется, наборная мозаика из разных пород дерева! Так красиво!

– А я тебе покажу, Василий Федорович, – поразил заявлением Арбенин. – Цеха своих мастерских покажу, где, что и как происходит, весь процесс, если тебе интересно.

– Мне интересно! – завороженно кивнул Васька. И переспросил недоверчиво: – Правда, покажете, что ль?

– Обещаю.

– А мне, мне покажите, – затребовала Ленка участия.

– Обязательно. Приезжайте с сыном, когда вам удобно. Созвонимся, договоримся и приезжайте, – весомо подтвердил свое приглашение Арбенин.

– Не может быть! – потрясенно смотрела на Дениса Лена. – Вот так просто? Берите и приезжайте в мастерские Арбенина?

– А что тут сложного? – удивился он.

– Да господи, Денис, я мечтала посмотреть ваши работы неизвестно сколько! – сумбурно попыталась растолковать она, махнула безнадежно рукой, подскочила с места. – Идемте! Я покажу, что у меня есть из вашего!

Он неторопливо, привычно рассчитывая и экономя движения, поднялся из-за стола.

– Спасибо за угощение, очень вкусно, – поблагодарил Денис.

– Пожалуйста! – шустренько поднялся и Васька. – С вами пойду. Тоже хочу вместе посмотреть.

Они проторчали у компьютера больше трех часов, голова к голове. Арбенин смотрел фотографии обстоятельно, дотошно, много спрашивал, что-то пояснял сам, а вскоре они совсем уж «забурились» в профессиональную терминологию, да так увлеклись, что не замечали ничего вокруг.

Васька, просидев со взрослыми первые полчаса, тихо свалил заниматься своими делами, несколько раз заглядывал, звал чай пить, перекусить, они отвечали нечто невнятное типа «сейчас, сейчас!», не отрываясь от экрана.

Василий Федорович вздыхал театрально красноречиво, ворчал про «спелись», и уходил. Так бы и до ночи просидели, не явись Васька на сей раз с серьезными намерениями.

– Ну, вы как дети, ей-богу! – проорал он у них над головами.

– И что случилось? – нехотя отрываясь от созерцания

«картинок», вопрошала недовольно Лена.

– Ничего не случилось! Давным-давно обедать пора, – отчитывал Васька. – Зоя Львовна уже три раза звонила, хочет зайти, да тебя от работы отрывать стесняется.

– Зоя Львовна? – переспросил Денис.

– Зоя Львовна! – сообразила Лена.

И они посмотрели с Денисом друг на друга, осмысливая информацию.

– А в чем дело-то? – требовательно спросил Васька. – Ну, Зоя Львовна, и что такого?

– Видишь ли, Василий Федорович… – замялась необходимостью объяснять Ленка и в ожидании поддержки посмотрела на Дениса.

Сдерживая улыбку, он на просьбу о поддержке ответил непонятным движением головы, не то одобрил, не то «решай сама». Не удержавшись, Лена сделала ему «страшное» лицо и повернулась к Ваське.

– Э-э-э, Денис… Васильевич – это тот господин, с которым меня вчера пытались познакомить!

– Ах во-о-от оно в чем дело! – как чекист, добившийся чистосердечного признания врага, протянул Васька. И «с чистой душой» продолжил допрос: – И что? Вы не хотите, чтобы она вас видела вместе и выводы какие-то делала?

– М-мда, – изволил заговорить Арбенин, – ты все правильно понимаешь, Василий Федорович.

А Васька разулыбался ехиднейшим образом, скрестил ру-

ки на груди и посоветовал, как бывалый товарищ по конспирации:

– Ну, тогда бегите. Потому что я сказал, что через полчаса сто пудов оттащу Лену от компа и Зоя Львовна может приходить.

– Васька! – пожурила Лена.

– А что! Я ж не знал, что у вас тут такая лабуда замутилась!

– Ничего не замутилось! – воспитывала Лена. – У нас работа!

– Ну да! – не воспитался Васька. – Про то, что вы друг другу не понравились, я знаю. Так что насчет побега?

– Предпримем, – согласился с дельным предложением Арбенин, поднимаясь со стула.

– Я провожу! – подскочила вслед за ним Лена.

– Давай-давай! – веселился Васька. – Я прикрою! Скажу, что ты пошла провожать важного человека, выказывая подобающее уважение.

– Василий Федорович, не перегибай! – утихомиривала Лена разгулявшегося весельем сына.

Провожала она Арбенина аж до машины, в которую и села вместе с ним, и Денис отъехал подальше от подъезда, окон и заинтересованных взглядов из них, продолжая так некстати прерванный разговор:

– Лена, вы собрали совершенно уникальную, обширную коллекцию снимков, грамотно ее выстроив во временной

ретроспективе. Я искренне потрясен! Профессиональный взгляд – фасады, боковины, задние стенки, крепления, детали фурнитуры, на каждую вещь целый пакет детальных снимков! Почему вы в книге использовали только фасадный снимок, редко дополняя боковой съемкой?

– Это все-таки популярная литература, а не специальная.

– Вот именно, – подтвердил непонятно что Денис. – Надо выпустить отдельным изданием все ваши снимки. В книге своей вы использовали хорошо если десятую часть.

– То есть еще одну книгу? – не поняла она.

– Нет. В смысле да. Но не книгу, а альбом снимков. Большого формата, с хорошо пропечатанными кадрами на весь лист и кратким описанием изделия: кем, когда и где они созданы, с описанием использованных при изготовлении техник, приемов, материалов.

– Но я не специалист, Денис! Я не обладаю такими специальными и глубокими знаниями, – возразила, горячась, Лена.

– Обладаете, и побольше многих горе-мастеров, – не согласился Арбенин.

– Да это абсурд! – разнервничалась отчего-то Ленка. – Да, я многое узнала, изучила, но я ни черта не знаю про техническую составляющую! Как это делается, методы, профессиональные приемы, самой работы, в конце концов!

– Я вам помогу, если понадобится, – окончательно ошарашил Ленку Арбенин. – Не нужно детально описывать всю ра-

боту – кратко, энциклопедично: используемые приемы, особенности. То есть нечто вроде наглядного материала с краткими пояснениями.

– И кому такой альбом понадобится? – совсем уж растерялась она под его напором.

– Многим, – спокойно убеждал Денис. – Мне, например. И всем специалистам в нашей области. Разумеется, у нас у всех есть учебная литература, историческая, профессиональная, каталоги именные и много чего еще. И те же фотонаработки собственные. Но до сих пор не было… как бы это сказать?… Обобщенного, что ли? Нет. Полного. Вот. Нужен полный глубокий обзор истории развития мебели, стилей, течений. Информация, но в разрозненном виде, в разных изданиях и разных авторов, и тем более нет таких подробнейших и качественных снимков. Поверьте мне, многое из того, что я сегодня видел, ни я, ни мои коллеги не имели возможности видеть и изучить. Мы, естественно и обязательно, ездим по городам, музеям, выставкам, но то, что смогли снять вы в частных коллекциях, в маленьких музейчиках, в глубинке, да просто в домах людей, которые сохраняют старинные вещи, – это уникально! И нам недоступно. Мы с руками оторвем такой альбом! Хоть сколько он будет стоить! А стоить он должен весьма дорого, чтобы не потерялось качество фотографий. Пусть небольшой тираж, но нужно выпустить, и это просто варварство – скрывать такие материалы!

– Да я не скрываю, – лепетала обескураженная его горяч-

ностью Ленка, – вам ведь показала.

– Не все, – сухо заметил Денис, подивившись собственному неожиданному красноречию.

Прям декламатор. Чтец прозы! Ешкин кот!

Раньше Денису не доводилось толкать столь длинную эмоциональную речь.

Но его злость разобрала аж до потрохов, так, что хотелось встряхнуть хорошенько эту Невельскую! Сидит на сокровище и семечки от незнания щелкает, поплевывая.

– Давайте так, Лена, договоримся, – продолжил он деловым тоном, приказав себе остыть, – вы приедете ко мне, захватив все свои снимки, я покажу, что есть у меня, мы попробуем дать описание нескольким работам. Я – технические и специальные обозначения, а вы сложите их красиво во фразы. Тогда и решим, получится ли из этой идеи что-нибудь.

– Вы меня совершенно огорошили, Денис! – призналась Лена.

– Да я и сам… – помолчал он и добавил: – удивлен.

– Ладно, – опомнилась Лена, – у меня там ребенок обеда требовал.

Денис несколько секунд смотрел на нее непонятным, «нечитаемым» взглядом и неожиданно улыбнулся:

– У вас замечательный сын.

– Я тоже так считаю, – ответила улыбкой искренней она.

– Ну что, до свидания, Лена? Я позвоню вам завтра.

– Завтра? – переспросила недоверчиво.

– Завтра, завтра, – чуть ворчливо подтвердил Арбенин, – а то вы умотаете в командировку какую и идею задвинете. А я не дам.

Лена выбралась из высокого джипа бочком, захлопнула дверцу и сунулась в открытое окно.

– А вы настойчивый, господин Арбенин.

– Да, – кивнул он, – это я умею. До завтра.

– До завтра, – попрощалась Лена и отошла от машины.

И еще стояла некоторое время, смотрела вслед удаляющемуся джипу.

Чу-де-са-а-а-а!

А она на него наехала, с ходу с пулемету, по закрепившейся привычке, все свое женское превосходство выказывала, а он вон какой оказался…

Настоящий, что ли?

Лена улыбнулась задумчиво и вдруг переполошилась от неожиданно пришедшей в голову мысли: «Он же не взял у меня номера телефона!»

Разочарование холодной водицей окатило от макушки до ступней, затем схлынуло, и журналистка Невельская смогла спокойно соображать, удивляясь, чего это она так реагирует-то!

«Этот Арбенин, если ему понадобится, любой телефон узнает, а хоть и президентский!» – усмехнулась про себя она.

И что удивительно, не чувствуется в нем ни напор настыр-

ный, ни нахрапистость, ни пронырливость – спокойная уверенность, несуетность, нечто такое в характере, от чего ощущаешь себя рядом защищенной, что ли, понимая, если он что обещал…

– Бе-бе-бе! – ворчнула на себя Ленка. – Запуталась! «Такое в характере».

И, вспомнив про Ваську и Зою Львовну, поплелась домой, крайне собой недовольная.

Сначала Ленке пришлось выдержать кухонные посиделки с Васькой и любимой соседкой. Обед осложнился обсуждением субботнего события.

А начал Васька. А кто еще?

– Что, Зоя Львовна, решили мою Лену сосватать? – в лоб шпарил вопросами ребенок.

– Да, – покаянно вздохнула соседка, – Анечка уверяла меня, что получится замечательно. А что, Леночка, вы поняли, что мы вас с Денисом познакомить хотим?

– Да, это даже «усу» не в меру целебному понятно было! – засмеялась Лена. – У вас с подругой напрочь отсутствует склонность к лицедейству.

– Ой! – перепугалась Зоя Львовна. – Вам неприятно? И Денис нас, наверное, тоже рассекретил.

– Да, сразу!

– Нехорошо вышло, – опечалилась совсем соседка, – он этого не одобряет совсем!

– А что, имелись прецеденты? – заинтересовалась необы-

чайно Лена.

– Имелись, – вздохнула, как в преступлении призналась, Зоя Львовна, – понимаете, Леночка, Денис, как бы это сказать…

– А прямо! – предложил Васька.

– Да-да, Василий Федорович, прямо лучше всего, – улыбнулась Зоя Львовна. – Денис замечательный, просто прекрасный человек, но у него такой характер с детства. То есть характер у него тоже замечательный, – поспешила реабилитировать сына друзей женщина, – но трудный для общения с другими людьми, особенно с девушками. Денис в детстве никогда не плакал, вообще, и не жаловался родителям. Придет с улицы побитый, в порванном пальтишке, Аня с Васей: что да как? – а он отмалчивается, скажет: «Ничего, сам разберусь».

– И что, разбирался? – увлеченно полюбопытствовал Васька.

– Да, вы знаете, разбирался! – гордо оповестила Зоя Львовна. – Эдакий мужичок. И в кого такой пошел?

– Ну и хороший характер! – вынес вердикт Василий Федорович.

– Хороший-то он хороший, но Денис – очень закрытый человек, а людям необходимо общаться, делиться переживаниями, говорить о чувствах, выражать эмоции.

– Мне он не показался до такой уж степени закрытым, – высказала свое впечатление Лена.

– А вы с ним побеседовали? – оживилась Зоя Львовна.

– Так, совсем немного, – стрельнув на Ваську взглядом, ушла от прямого ответа Лена, – мило попрощались.

Васька тихонько хмыкнул, но от комментариев воздержался.

– Вот видите! – поняла Ленин ответ по-своему Зоя Львовна. – Попрощался, и все! Ни поговорить, ни легкую беседу поддержать. Девушкам он кажется мрачным, угрюмым, слова лишнего не скажет, комплиментом не порадует, отмалчиваться предпочитает.

– А что с ними разговаривать, Зоя Львовна? – делился жизненными наблюдениями Василий Федорович. – Ты им только скажи что приятное, они себе такого нафантазируют – не расхлебаешь!

– Васенька, а ты откуда это знаешь? – искренне подивилась Зоя Львовна.

– Читал в популярной психологии, у Лены есть. И опыт имею.

– Ну-ка, ну-ка, что там за опыт такой? – живенько отозвалась на реплику Лена.

– Ты же знаешь, я у девочек пользуюсь популярностью.

– Ах да, Оленька Трубенцова в тебя влюблена.

– Глупости все это, «влюблена», – передразнил Васька, – ей тринадцать лет, какая любовь?

– Тебе, смею напомнить, тоже не двадцать пять.

– Ну вот и я про это! Но вот скажешь им: ты симпатич-

ная, – а через полчаса она уж уверена, что вы встречаетесь!

– С ужасом представляю, что меня ждет, когда тебе исполнится лет шестнадцать!

– Все будет хорошо, Лена, не переживай! – успокоил Васька и вернулся к прежней теме. – Так что прав ваш Денис, нечего с девушками лишние разговоры вести!

– В том-то и дело, Васенька, что он никаких не ведет! У него была девушка, они почти три года прожили вместе, но расстались. Так она иногда Анечке жаловалась, что с ним очень трудно. Денис невероятно много работает, а когда они вместе, то ни поговорить, ни планами поделиться. Что его ни спросишь, он в ответ только «да» или «нет», и все молчком, в своих мыслях, а она старалась Дениса разговорить, научить нормально общаться. Анечке тяжело было это слушать, тем более что девушка часто называла ее сына бесчувственным.

«Дура! – возмутилась Ленка. – Дура, клиническая при том! Ты же с ним жила, ты что, не видела, какую он красоту делает!? Бесчувственный!! Идиотка, вот точно!»

– А почему они расстались? – заинтересовался Васька.

– Ну, я подробностей не знаю, да и никто не знает. Денис, разумеется, о таких вещах не говорит, но Анечка сказала мне, что подозревает, будто девушка встретила другого мужчину, – смущаясь, призналась Зоя Львовна.

– Разговорчивого, – кивнул понимающе Васька.

– Наверное. Ну, вот Анечка и решила, что надо Дениса

с кем-то познакомить, раз ему самому недосуг.

– И как часто предпринимались такие попытки? – напряглась отчего-то Ленка.

– Вы, Леночка, пятая. Не обижайтесь, – в очередной раз виновато вздохнула Зоя Львовна.

– О как! – неприятно подивилась Ленка. – И что, ни с кем из них любовь не состоялась?

– Да что вы! – махнула обреченно ручкой соседка. – Денису это ужасно не нравится, он требует Анечку прекратить приглашать потенциальных невест, даже грозился, что приезжать перестанет. Я убеждала Анечку, что совсем не корректно вмешиваться в жизнь взрослого сына, но она и слушать не хочет, говорит, потом простит. Вот даже меня уговорила на аферу. Я им про вас, Леночка, много рассказывала, вот она и ухватилась за вашу кандидатуру. Уж извините, я понимаю, вам неприятно было.

– Извиню, – кивнула Лена, – ерунда все это, Зоя Львовна, не берите в голову.

Зое Львовне Лена могла простить все, что угодно, хоть покушение на жизнь президента Зимбабве!

Когда они с Васькой три года назад переехали в этот дом, то сразу познакомились с Зоей Львовной.

Соседка стала для них с сыном просто ангелом-спасителем! Лена втайне подозревала, что послал ее им в помощь сам Господь, не иначе! Может, в награду за все те мучения и мытарства, которые они с Васькой прошли и выдержа-

ли. Сие останется тайной, известной только Творцу, но то, что Зоя Львовна – святая, это точно!

Основной головной болью Лены стал вопрос, с кем оставлять Ваську при ее-то работе, загруженности и постоянных командировках. Родители в тот момент по ряду причин отпадали категорически, на них она и не рассчитывала.

Она крутила и так и сяк, подумывая уже отказываться от командировок, и совсем уж крамольно – поменять работу! И о няне или, скажем, домработнице задумывалась. Словом, перебирала все возможные варианты.

А тут как-то поздно вечером зашла к ним соседка Зоя Львовна. Накануне в издательстве Лена получила три билета на эксклюзивную выставку мебели. Два – для них с Васькой, а третий – ей дали в расчете на мужа или бойфренда мифического.

Уж чего в хозяйстве не имелось, так вот этого! Но Лена отказываться не стала, а предложила билет милой соседке, которая уже не раз им с Васькой помогала по мелочам – то ремонтников впустить-выпустить, то слесарей дождаться.

Поди найди таких соседей в наше время! Обыщешься!

Лена все старалась отблагодарить как-то за помощь и внимание, но Зоя Львовна от подарков отказывалась категорически, настаивая на нормальной соседской взаимопомощи.

Лена решила пойти другим путем и выразить свою благодарность небольшими «комплиментами» – билетами в кино на премьеру, в театр, вот на выставку.

– Леночка, я зашла спросить, как вы завтра планируете пойти на выставку?

– Днем заберу Василия Федоровича из школы, привезу домой, вернусь на работу, а часов в шесть заеду за вами обоими, – огласила расписание дня она.

– Леночка, вы меня простите, конечно. Но можно спросить, зачем вам мотаться туда-сюда? Давайте я Васеньку заберу из школы и приведу домой?

– А вам это не трудно? – осторожничала радоваться Лена.

– Да что вы! – оптимистично уверила соседка. – Школа в десяти минутах ходьбы. Я с удовольствием прогуляюсь с Васенькой. Он у вас совершенно необыкновенный мальчик!

– Вы меня очень выручите, Зоя Львовна! – от избытка чувств сцепив ручки в замок, порадовалась Лена.

На следующий вечер, вернувшись после выставки, они сидели втроем в кухне, делились впечатлениями, «гоняли» чаи, и неожиданно Зоя Львовна сказала:

– Леночка, вы очень много работаете, и я хотела предложить вам одну идею.

– Работать меньше? – предположил Васька.

– Нет, – мягко улыбнулась Зоя Львовна и погладила его по голове. – Я могла бы забирать Василия Федоровича из школы, приводить домой, кормить обедом и присматривать за ним до вашего возвращения с работы.

– Зоя Львовна… – даже растерялась от такого фантастич-

ного подарка Лена, – но у вас свои дела, заботы.

– Да что вы, Леночка, какие заботы? – отмахнулась Зоя Львовна. – Я совершенно одинокий человек. У меня нет близких родственников, только двоюродные племянники, но они живут не в Москве. Мы и с их родителями не были близки, а с ними и подавно, практически и не общаемся, так, перезваниваемся раз в год, а то и реже. Мне еще далеко до семидесяти, пока не старуха и, слава богу, здорова и хорошо себя чувствую. У меня нет особых дел, только хобби, встречи с подругами, прогулки. И, знаете, очень хочется быть еще кому-то полезной, нужной. А вышивать крестиком и вязать я прекрасно смогу и перед вашим телевизором.

Ленка слушала ее, зачарованно открыв рот, и никак не могла поверить в возможность такой невероятной удачи.

– Я вам зарплату буду платить! – бухнула она первое, что пришло в голову.

– Да господь с вами! – возмутилась Зоя Львовна. – У меня вполне приличная пенсия, я, знаете, отношусь к разряду элитных пенсионеров, да и мой покойный муж был академиком, и я кое-что получаю и за него как вдова. На жизнь безбедную и кое-какие прихоти вполне хватает. Не станем омрачать деньгами хорошие отношения.

– Я не знаю, что сказать! – призналась Ленка, сдерживая слезы. – Я поверить не могу!

– Лена, не плачь! – сурово распорядился Васька. – Зоя Львовна, вы бы нас с Леной, конечно, очень выручили,

но просто так это не делается.

– Что значит «просто так»? – удивилась соседка. – А как делается, Васенька?

– Взаимно, – растолковывал он. – Если вы хотите нам помогать, то и нам должны разрешить помогать вам.

– В чем же? – мудро улыбалась Зоя Львовна.

– А во всем! – постановил Васька. – В жизни! Просто во всем, как родные!

– Хорошо, – кивнула Зоя Львовна. – Я согласна!

– Мы тоже согласны! – решил за них обоих Васька. – И спасибо вам большое, а то Лена совсем извелась.

Дамы дали волю непрошеным слезам, и таким вот чудесным образом в их жизнь вошла Зоя Львовна. Когда Лена уезжала в командировки, Зоя Львовна перебиралась в их квартиру, чтобы находиться с Василием постоянно. Она не спрашивала Лену о причине столь чрезмерной опеки сына, ее страхов за него и категорического нежелания оставлять мальчика одного хоть на пару часов, принимая все как есть без объяснений.

Зоя Львовна никогда не задавала Лене или Ваське вопросов про их личную жизнь – скажем, про Васькиного отца. Так же как и о непростом отношении Лены с ее родителями и их непонятной холодности к внуку. Она с Василием ездила летом к старшим Невельским на дачу погостить, но и с ними не вела разговоров о семейных взаимоотношениях. А родители так и подавно не рвались обсуждать эти темы.

Святая – никаких сомнений!

Поэтому Лена относилась к соседке как к члену семьи и могла простить Зое Львовне все что угодно, хотя поводов для разногласий не возникало ни разу.

Смотри утверждение первое – святая!

Но сегодняшним вечером Ленка поймала себя на том, что тяготится этим разговором застольным. А еще больше обсуждением Дениса. Ей хотелось побыть одной, подумать, осмыслить небывалые открытия сегодняшнего дня. Чем она и занялась ночью, после того как Зоя Львовна ушла, а Васька улегся спать.

Лена ждала завтрашнего дня с нетерпением, с какой-то внутренней суетливостью, но, возбужденная, никак не могла заснуть, выбралась из кровати и блуждала по темной квартире то улыбаясь, то хмурясь своим мыслям беспокойным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.